

ГЕРОИЧЕСКАЯ

ФАНТАСТИКА

НЕПРИСТУПНЫЙ СЕВАСТОПОЛЬ

Круговая оборона

ГЕОРГИЙ
САВИЦКИЙ

Героическая фантастика

Георгий Савицкий

**Неприступный Севастополь.
Круговая оборона**

«Махров»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Савицкий Г. В.

Неприступный Севастополь. Круговая оборона /
Г. В. Савицкий — «Махров», 2019 — (Героическая фантастика)

ISBN 978-5-04-109193-4

Продолжение романа «Неприступный Севастополь. Стержень обороны». Ветеран-артиллерист Алексей Лещенко, угодивший в пылающий 1941 год прямо из окопа Светлодарской дуги 2015 года, сумел сделать невозможное: благодаря его усилиям на посту командира 35-й бронештурмовой батареи город-герой Севастополь выстоял в третьем, самом жутком штурме, который обрушил на него немецкий генерал Манштейн. Но война еще не выиграна – фашисты рвутся к Волге, завязывается кровопролитная Сталинградская битва, а через Босфор и Дарданеллы проходит итало-немецкая эскадра, возглавляемая итальянским линкором «Джулио Чезаре». А на верфях в оккупированном Николаеве строятся тяжелые канонерские лодки для обстрела Севастополя. Алексею придется отражать атаки на город-крепость не только с суши, но и с моря, противостоять вражеским линкорам и тяжелым крейсерам!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109193-4

© Савицкий Г. В., 2019
© Махров, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	17
Глава 3	22
Глава 4	27
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Георгий Савицкий
Неприступный Севастополь.
Круговая оборона

© Савицкий Г. В., 2020

© ООО «Издательство «Яуза», 2020

© ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пролог

Огромный корпус броненосца медленно и величественно двигался по рельсам, но это не был спуск на воду – наоборот, корабль с каждым километром удалялся от моря. Огромный железнодорожный транспортер, двигавшийся сразу по двум сдвоенным колеям, многократно превосходил своими размерами даже знаменитое 800-миллиметровое суперорудие «Дора»! Причем сами рельсы для лучшего скольжения смазывались машинным маслом. Но даже такое ухищрение позволяло сцепкам по четыре дизельных тысячесильных локомотива на каждой из сдвоенных колеи работать лишь на пределе мощности. Они с трудом тянули огромную конструкцию. Еще четыре таких же локомотива на каждом рельсовом пути толкали транспортер сзади.

При этом скругления и радиусы поворота четырехполосной железнодорожной колеи имели огромную длину, чтобы исключить даже малейший крен. Такую картину подавляющей технической мощи мог породить лишь сумрачный тевтонский гений!

Фактически вся конструкция представляла собой гигантский стапель на железнодорожном ходу. Рельсовый транспортер чудовищных размеров перевозил – ни много ни мало – целый броненосец! Вернее, его облегченный корпус. Корабль «Шлезвиг-Гольштейн» был «ветераном» Кригсмарине – он участвовал еще в Ютландском сражении в Первую мировую войну. После поражения кайзеровской Германии в соответствии с Версальским договором в немецком флоте оставались 15 000 моряков и восемь старых броненосцев только для береговой обороны. Два из них должны были находиться в резерве.

Оставляя в числе прочих «Шлезвиг-Гольштейн», представители стран Антанты и не представляли, что именно этот корабль даст первые залпы, которые положат начало Великой Отечественной войне. В 04:47 утра 1 сентября «Шлезвиг-Гольштейн» ударил из мощных 280-миллиметровых орудий по польским укреплениям в Вестерплатте, таким образом произведя первые выстрелы во Второй мировой войне. Артиллерийский удар броненосца типа «Дойчланд» стал сигналом для наземных войск к началу штурма польских позиций.

Теперь же этот корабль вместе с «систер-шипом», броненосцем «Шлезииен», направлялся к новому месту службы. Сама по себе транспортная операция по переброске посуху двух кораблей стандартным водоизмещением 13 200 тонн была столь уникальной, сколь и бессмысленной. Но для нации, построившей 800-миллиметровое суперорудие «Дора», причем в трех экземплярах, монструозные проекты были не в новинку.

В принципе, в этом неумолимом колоссальном движении броненосца по рельсам отражалась вся суть Третьего Рейха – бессмысленно-монструозного и бездушно-технократического колосса, похожего на механического Молоха из фильма Фрица Ланга «Метрополис». Там гигантский механизм пожирал людей, Третий Рейх делал то же самое с целыми народами. Но только сталинский СССР – необъятная Россия – стал костью в горле этого безжалостного Молоха!

Для транспортировки с обоих броненосцев сняли все, что только можно. Фактически корабли «выпотрошили». Демонтировали всю артиллерию, броневые плиты, дымовые трубы, надстройки, сняли все три паровые машины и котлы к ним, вынули гребные валы. Обоим кораблям предстоял долгий путь из Северного моря к Дунаю, где их вновь спустят на воду, смонтируют все механизмы, поставят обратно орудийные башни, «оденут» в броню, дооружат пушками, загрузят углем и всем необходимым, и вновь пустят в плавание. Но и здесь тоже все было не так-то просто. Для уменьшения осадки и прохода по второй по протяженности после Волги реке Европы к корпусам броненосцев приварят пустотелые понтоны. В таком виде трудяги буксиры, пыхтя густым черным нефтяным дымом с месторождений румынского Плоешти, потащат великанов вниз по Дунаю.

Спрашивается, зачем немцам такая чудовищно сложная инженерная операция? Ее цель для лета 1942 года – морская блокада так и не сдавшегося в июле на милость генерал-полковника Эриха фон Манштейна города-крепости Севастополя.

Глава 1 «Малый Севастополь»

Алексей спал, и снился ему заснеженный город в окружении рукотворных гор – угольных терриконов, заводских труб и шахтных копров. Слышалась канонада – снаряды рвались по всему Донецку, – то здесь, то там слышался глухой удар. Но люди уже мало обращали внимания на эту музыку войны и разрушения, ставшую привычной с лета 2014 года.

Зимой 2015 года он – ветеран-артиллерист, советский офицер, прошедший горную войну в Афгане, и замкомандира бригады гаубиц «Д-30» Вооруженных Сил ДНР на Светлодарской Дуге в контрбатарейной дуэли подавил орудия бандеровцев. Но и его батарея попала под вражеский огонь. Стена взрывов поднялась на позициях артиллеристов Донецкой Народной Республики. Внезапно оглушительный удар и вспышка полыхнули совсем близко. Алексей упал, краем гаснущего сознания понимая, что обречен...

Он внезапно, рывком проснулся. Некоторое время лежал на узкой жесткой койке, постепенно осознавая себя все-таки живым.

Тот взрыв снаряда зимой 2015 года на Светлодарской Дуге изменил всю жизнь отставного советского полковника Алексея Лещенко. Он не погиб, а каким-то невероятным образом перенесся почти на семьдесят лет назад, оказавшись в Севастополе перед самым началом Великой Отечественной войны. Более того, по счастливой случайности, иначе и не скажешь, военный отставник из Донецка зимы 2014 года воплотился в иных временах и иных исторических реалиях командиром мощной Тридцать пятой бронештурмовой батареи, у него даже имя было такое же, как и у капитана Лещенко – да, собственно, Алексей и стал им!

Командиром одной из двух бронештурмовых батарей, которые в героической обороне Севастополя являлись своеобразным «ядром» советской артиллерии города-крепости. Они стали настоящими «непотопляемыми линкорами» – четыре могучих 305-миллиметровых орудия в двух броневых башнях могли обстреливать любые цели в радиусе сорока четырех километров. Железобетонные подземные массивы укрывали от вражеских бомб и снарядов огромную инфраструктуру, включая даже автономные дизельные электростанции, камбузы и лазареты.

Алексей, кадровый советский офицер-артиллерист, понял, какой уникальный шанс ему выпал. Обладая уникальной «памятью попаданца» о своем «прошлом-будущем» и сосредоточенной в руках огромной огневой мощью, а также уникальными знаниями о ходе войны, он решил – ни много ни мало – изменить ход истории! Алексей решил не допустить, чтобы и третий штурм гитлеровцев стал фатальным для Севастополя. Наступление фон Манштейна летом 1942 года стало для донецкого студента-физика своеобразным моментом истины. Песчинка, невесть как попавшая в жернова истории, оказалась тверже алмаза – и перекроила ход Великой Отечественной войны в одном из самых важных сражений. У гитлеровцев больше не осталось сил наступать, и фон Манштейн, так и не получивший фельдмаршальского звания за взятие города-крепости, был вынужден отдать приказ об осаде так и не покоренного Севастополя.

Алексей выиграл свою битву с неумолимым Кроносом, но впереди была долгая осада города-героя немецкими и румынскими войсками. Более того, гитлеровцы, которые не смогли взять город с суши, решили добить его артобстрелами с моря и прервать тонкую нить морских конвоев, которые перебрасывали в Севастополь жизненно необходимые грузы.

* * *

Проснувшись, Алексей умылся и привел себя в порядок. Из зеркальной плоскости на него глядел усталый, осунувшийся мужчина средних лет. Тонкий нос с горбинкой на широком лице, упрямо сжатые губы, ямочка на чуть удлинённом подбородке. Серые внимательные глаза с прищуром, выдававшим привычку вглядываться в даль. Темные, коротко стриженные волосы с заметной ранней проседью.

Покончив с умыванием и одевшись, Алексей сразу же направился к причалу под скалами мыса Херсонес. Здесь разгружалось очередное судно. Транспорт доставил боеприпасы, медикаменты, продукты, по сходням торопились на берег солдаты и матросы маршевого пополнения. Небольшой грузовой кран, поскрипывая, переносил на берег тяжелые броневые автомобили «БА-10» и полковые 76-миллиметровые пушки. Плеск волн, скрип канатов, лязг металла, забористая матросская ругань и резкие окрики команд придавали всему процессу исключительно деловой, целеустремленный вид. Рядом ждали своей очереди эвакуируемые – перебинтованные солдаты в сопровождении нескольких медсестер. Некоторые тяжелораненые лежали на носилках в тени заброшенных на стойки маскировочных сетей. Разгрузку судна надо было завершить в кратчайшие сроки – пока не налетели пикировщики «Юнкерсы-87». Четвертый воздушный флот Люфтваффе под командованием фон Рихтгофена был вот уже месяц как передислоцирован на другой участок огромного, раскинувшегося от Белого до Черного моря фронта. Но все же фашистские стервятники продолжали клевать избитый бомбежками и бесчеловечными обстрелами город.

* * *

Порой Алексей проводил параллели с теми обстрелами, которые он видел в своем «прошлом-будущем», в Донецке 2014 года. Тогда, еще летом, он записался добровольцем в Народное ополчение Донбасса, попал в артиллерию – на гаубицы «Д-30». Отставной советский офицер, да еще и с неоценимым боевым опытом Афганской войны 1979–1989 годов, оказался весьма кстати – он сначала стал командиром 122-миллиметрового орудия, потом командовал батареей, дивизионом, стал заместителем командира артиллерийской бригады. Учил и «натаскивал» молодежь, передавая защитникам самопровозглашенной Республики не только свои знания и опыт, но и добросовестное отношение к службе. И лютую ненависть к врагу – таким же фашистам, с которыми сражались отцы и деды в Великую Отечественную войну. Теперь настал черед стать достойным их славы и воинской доблести!

За время интенсивных боев он побывал на разных участках фронта самопровозглашенной Донецкой Народной Республики. Гаубичные батареи бригады, в которой он служил, крошили бандеровскую нечисть, вели контрбатарейную борьбу с карателями, которые били по жилой застройке городов ДНР, давили огневые точки противника, переводили живую силу бандеровцев под черно-красными знаменами в мертвое состояние. Самым страшным эпизодом был бой с тремя танками под «желто-блакитными» флагами с трезубцем и свастикой. Под Иловайском на их батарею внезапно выскочил танковый взвод. Алексей, командуя расчетом гаубицы «Д-30», прямой наводкой влупил снаряд прямо под башню танка «Т-64» с белыми полосами быстрого опознавания на броне и желто-синим флагом со свастикой. Еще две машины подбили другие артиллеристы батареи. Потом смеялись – «от страха подвиг совершили»! Но, собственно, так оно и было. Ситуация складывалась дуэльная – «или мы их, или они нас»... Алексей и другие ополченцы Донбасса сообразили быстрее.

Голова в кустах оказалась у танковых экипажей из Западной Украины – там, где почитают Бандеру как героя. А вот грудь Алексея и других артиллеристов-ополченцев украсилась крестами. Георгиевскими.

А потом – уже зимой, тот злополучный артналет на Светлодарской дуге... Но и тогда донецкие артиллеристы выполнили поставленную боевую задачу: уничтожили батарею бандеровских гаубиц, которые стреляли по жилой застройке, по больницам и школам, по детским садам и домам мирных жителей. Если бы на вооружении украинских карателей не было американских контрбатареинных радаров, то донецкие артиллеристы успели бы уйти с позиций...

Конечно, для советского офицера-артиллериста осознание того факта, что он перенесся в иные времена и иные исторические реалии, вызвало настоящий шок. Но тут тоже уже скоро должна начаться война, отголоски которой и через семьдесят лет слышны на Донбассе. Так что Великая Отечественная для Алексея из Донецка 2014 года стала и войной собственной, глубоко личной. Тем более что уже здесь, в Севастополе, он встретил Карину...

Мимолетное воспоминание об отважной девушке на мгновение вызвало теплую улыбку. Карина была уроженкой Севастополя, связисткой. В начале обороны города она вместе со многими эвакуировалась в Батуми, в тыловую базу Черноморского флота СССР. Но потом вернулась, получив еще одну военную специальность – «дальнометрист зенитной артиллерии». Батарея из четырех 85-миллиметровых орудий ПВО, в которой служили исключительно девушки, прикрывала Тридцать пятую бронебашенную батарею с воздуха.

С Кариной его связывали настоящие чувства, которые только и могут возникнуть на войне, – великие чувства Великой Отечественной войны!.. Но при этом Алексей был вынужден держать определенную дистанцию в отношениях с девушкой, ведь он был командиром мощной бронебашенной батареи и нес ответственность за каждого из гарнизона «сухопутного линкора». А командир – всегда пример для подчиненных. Вот и приходилось им двоим смирять пылающие в груди чувства.

К тому же Алексей Лещенко относился к этой девушке еще и через призму восприятия прожитых лет. Кем он был до этого? Обычным военным пенсионером. А стал молодым командиром. И сейчас Алексей заново переживал молодость и настоящую бурю возвышенных чувств, но теперь уже – сквозь восприятие взрослого, уже немало прожившего и повидавшего на своем веку человека. И это еще больше оттеняло его чувства к Карине, делало любовные переживания невероятно глубокими, насыщенными и сильными.

* * *

Закончив передавать на берег тюки и ящики, судно быстро загрузилось ранеными и отошло от причала. В море транспорт присоединился к каравану под охраной морских охотников.

В кают-компаниях завтракали офицеры, сменяющиеся с ночной вахты. Увидев командира батареи, они мигом вскочили по стойке «смирно».

– Здравия желаем, товарищ комбат!

– Вольно, товарищи, присаживайтесь. – С каждым из офицеров Алексей поздоровался за руку.

– Завтракать будете, товарищ комбат? – Тут же появился дежурный матрос с камбуза в безукоризненно белом фартуке и белой шапочке.

– Да, Степан, перекушу, и чаю крепкого сделай, пожалуйста. – В армии, где все построено на иерархии, субординации и безусловном подчинении, особенно важны простые человеческие отношения. Поэтому Алексей ко всем относился уважительно, но без панибратства. Интересовался проблемами и заботами небольшого, но сплоченного коллектива береговой батареи.

Позавтракав свежей отварной картошечкой с жареной рыбой и с удовольствием выпив чаю, Алексей глянул на часы – без четверти семь, через пятнадцать минут – построение.

* * *

Личный состав Тридцать пятой бронебашенной построился перед входом на батарею под навесом из маскировочной сети. Кстати, здесь было не жарко, а площадка перед входом в скальный, усиленный фортификационным бетоном подземный массив давно была превращена в плац.

– Равняйся! Смирно!

Под величественные звуки Гимна СССР по флагштокам заскользило красное полотнище с золотой звездой, серпом и молотом. А рядом затрепетал на ветру белый с синей полосой внизу, со звездой, серпом и молотом флаг РККФ.

– Товарищ командир батареи, за время несения боевых вахт происшествий не было. Личный состав – полностью. Лиц, незаконно отсутствующих, нет! – привычно и четко доложил перед строем помощник комбата Никульшин.

– Здравия желаю, товарищи краснофлотцы!

– Здра... желаем, та... щ командир батареи!!! – рев луженых глоток артиллеристов береговой обороны, казалось, был способен перекрыть гром залпов собственной батареи.

– Вольно, разойдись. Товарищи командиры, личный состав – в вашем распоряжении.

* * *

Алексей в каске и с автоматом в сопровождении комиссара батареи Виктора Иванова направился к позициям, в штаб батальона, прикрывавшего «Тридцатьпятку» с суши. Рубеж оцетинился орудийными и пулеметными стволами в капитальных железобетонных казематах. Тяжелые противотанковые ежи и ряды колючей проволоки прикрывали подступы. В окопах шла своя, обычная жизнь. Алексей старался соблюдать ротацию. Если позволяла обстановка, периодически отводил то одну, то другую роту, чтобы люди могли отдохнуть, вымыться, относительно спокойно выспаться под защитой железобетонных сводов бронебашенной батареи.

Беречь солдат – это ведь не только не подставлять их напрасно под пули. Необходимо давать им отдых, своеобразную психологическую разгрузку, заботиться о тех, кто стоит на самых передовых рубежах обороны против многотысячной гитлеровской группировки. Горячее питание, гигиена, более-менее спокойный сон, кино по выходным, нечастые, но долгожданные увольнительные в Севастополь – все это помогало морякам и солдатам морской пехоты, стрелковых линейных частей, что называется, не «слететь с катушек».

Алексей перекинулся словами с солдатами на стрелковой позиции, зашел в блиндаж к старшему лейтенанту – замкомбата. Он принял командование после ранения командира батальона. Немолодой седоусый вояка с продубленным, изрезанным морщинами лицом и неожиданно ясными голубыми глазами, видимо, выслужил офицерское звание из сержантских лычек. Он обстоятельно доложил обстановку, посетовал на то, что все равно не хватает пушек полевой артиллерии. Но зато похвастался тремя трофейными «Косторезами» – так бойцы называли немецкие пулеметы «Maschinengewehr-42».

Вместе они вышли из блиндажа и направились по окопу. Внезапно в отдалении со стороны немецких позиций послышался приглушенный грохот, а через несколько секунд привычный слух Алексея уловил знакомый звук – характерный шелест, как будто сухой песок сыпался по стеклу.

– Ложись! – вскормленные тремя войнами – Афганской, Донбасской и Великой Отечественной – рефлексы бросили тело на дно окопа. Так шелестят в воздухе на подлете тяжелые гаубичные снаряды.

– В укрытие!

Свет померк, земля вздыбилась и задрожала, запульсировала болью из разорванных ран-воронок. Алексей вдруг отчетливо почувствовал себя маленьким и беззащитным, словно скорчившийся на груди у матери новорожденный младенец. Все чувства и мысли оказались мгновенно выбиты ударными волнами. Он ощущал себя отнюдь не царем природы, но исключительно уязвимым комочком протоплазмы на раскаленной жаром магмы материковой плите литосферы.

Несколько секунд спустя в ответ ударила и наша артиллерия. Замаскированные в складках местности, в бетонированных окопах дальнобойные гаубицы открыли огонь на подавление вражеских орудий. Тяжелые раскаты рукотворного грома ударили с Северной стороны, где располагалась Тридцатая батарея майора Александера. «Двенадцатидюймовки» сделали несколько залпов – словно молотом вбивали в землю гитлеровских захватчиков.

Так же внезапно, как и начался, немецкий артобстрел прекратился, наступила непроцеваемо-ватная тишина, сквозь которую с трудом стали пробиваться обычные звуки. Алексей уже привычно ужом выполз из-под груды обрушившейся на него земли. Умение самостоятельно откапываться после обстрелов появилось еще в Донецке – летом 2014 года. С тех пор он, неведомым образом пересекший почти семьдесят лет пространственно-временного континуума, только совершенствовался в этом крайне полезном на войне навыке...

Отряхнув пыль с полевой формы, Алексей осмотрелся. Рядом поднялся замкомбата. Он глянул на наручные часы.

– Минута в минуту – с немецкой, мать его, педантичностью!.. – заметил старлей.

«Вояка старый, а такие мудреные слова знает – «педантичностью»!» – невольно подумал Алексей.

– Я до войны учителем русского языка и литературы был, – усмехнулся старший лейтенант, правильно истолковав недоверчивый взгляд Алексея.

– Вот оно как!..

Воюют не суперсолдаты, а вполне обычные люди. Вот и получается, что вчерашний учитель становится замкомандира батальона, студент-физик командует мощными орудиями, неприметный работяга садится за рычаги танка или осваивает с такой же рабочей основательностью пулемет или снайперскую винтовку. Война ведет свой особый счет человеческим талантам.

* * *

Когда закончилась канонада, Алексей невольно взглянул туда, где раскинулся на холмах белоснежный когда-то город. Опутанный колючей проволокой, ошетилившийся стволами артиллерийских орудий, перепаханный воронками от бомб и снарядов, изрезанный траншеями, окопами, ходами сообщения, лежащий в руинах Севастополь продолжал жить и сражаться.

Основательные здания старой постройки сопротивлялись гитлеровским обстрелам, массивную каменную кладку было не так-то и легко пробить. В центре, ближе к Совфлотовской – бывшей Графской – пристани, дома хоть и пострадали, но все же не так сильно. Завалы на улицах расчищали после каждой бомбардировки, каждого артобстрела. Хуже было с деревьями: еще год назад – в сорок первом беспощадный артиллерийский огонь буквально выкосил практически все парки. Так, на Малаховом кургане, откуда и сейчас стреляла 130-миллиметровая батарея Матюхина, от большого тенистого парка осталось всего лишь одно дерево.

Но и в этом случае севастопольцы не растерялись. Весной и летом 1942 года они высаживали деревья, распахивали участки под огороды, на которых выращивали зелень и овощи. Некоторые деревья высаживали специально в кадках и прятали во время обстрелов в подземных укрытиях.

Работали производственные комбинаты, которые теперь также располагались в подземных штольнях. Там выпускали минометы, бутылки с зажигательной смесью, мины и гранаты, ремонтировали оружие и боевую технику, шили солдатское обмундирование и снаряжение, выпекали хлеб и готовили консервы. В подземных госпиталях излечивались раненые.

Город продолжал жить и сражаться. Причем не выживать, а именно – жить. Работали подземные кинотеатры и школы, работали и кинопередвижки, которые демонстрировали фильмы военным и гражданским жителям Севастополя. Выступали концертные бригады, которые старались эмоционально «разгрузить» привыкших уже к жестокой войне людей.

От попадания снаряда памятник Ленину на площади Нахимова был уничтожен. Но по личному распоряжению Сталина вместо него вернули памятник Нахимову, демонтированный еще в 1928 году, поскольку тогда считалось, что «генералы и адмиралы являлись прислужниками царского режима».

Но в грозные дни героической обороны Севастополя Иосиф Сталин проявил мудрость и политическую волю, вернув городу его знаменитого адмирала.

Статуя Нахимова, правда, оказалась обращенной лицом не к Севастопольской бухте, а к самому городу.

Но так ведь и угроза крупнейшей черноморской крепости пришла с суши.

* * *

Вернувшись с позиций, Алексей наскоро ополоснулся и переоделся. Надлежало ехать в штаб Севастопольского оборонительного района. В принципе, он был всего лишь гвардии майором, и присутствовать за одним столом с генералами и адмиралами было как-то не с руки... Но, с другой стороны, на черном морском кителе сверкала Золотая звезда Героя за уничтожение немецкого орудия-монстра «Дора». Да и командовал майор береговой службы мощной Тридцать пятой бронебашенной батареей.

А с некоторых пор он стал еще и комендантом укрепрайона на Мысе Херсонес. Мощный оборонительный рубеж был создан вокруг двух могучих башен Тридцать пятой батареи, кроме нее здесь располагались военный аэродром и грузовой причал для среднетоннажных судов. Рядом находились замаскированные подземные склады. Сейчас строилась узкоколейка для того, чтобы перебрасывать грузы с морских транспортов по железной дороге в Севастополь. Фактически мыс Херсонес стал запасной гаванью, поскольку Севастопольская бухта была под постоянным артобстрелом гитлеровцев. Транспорты могли заходить на севастопольский рейд и разгружаться только ночью. Так что укрепрайон на мысе Херсонес нередко именовали «Малым Севастополем».

Прикрывали укрепрайон несколько полос полевой обороны, оцетинившиеся железобетонными орудийными и пулеметными огневыми точками. Строительство эшелонированной обороны и улучшение позиций шли постоянно.

* * *

Командирский «Виллис» лавировал среди груд битого кирпича и щебня, из которого торчали опаленные стальные балки. Севастополь – белокаменный величественный город – было не узнать. Он почти что целиком ушел под землю: в штольни, катакомбы, подземные этажи крепостей еще дореволюционной постройки, в подвалы капитальных каменных домов. Были прорыты целые улицы, соединившие крепкие остовы зданий. По одной из таких «улиц» с настоящим двусторонним движением и щебенчатым покрытием и катил сейчас «Виллис» Алексея. Несколько раз приходилось останавливаться, пропуская легкие танки «Т-26», грузовики и ротные колонны солдат.

У въезда в штаб Севастопольского оборонительного района, устроенного в крепком крепостном каземате, за мешками с песком стояли пулеметы. Строгие часовые с автоматами наготове придирчиво проверили документы. Алексей поздоровался с несколькими знакомыми офицерами, пожал руку своему коллеге – Георгию Александру, который командовал Тридцатой бронепанельной батареей на Северной стороне неподалеку от деревни Любимовка. «Тридцатке» здорово досталось во время второго и третьего штурмов Севастополя, но сосредоточенным огнем 35-й батареи Алексея все гитлеровские атаки были отбиты.

* * *

– Товарищи офицеры, обстановка в полосе обороны Севастопольского оборонительного района остается крайне сложной и напряженной, – начал совещание вице-адмирал Филипп Октябрьский. – Я передаю слово заместителю народного комиссара Военно-морского флота. Пожалуйста, Гордей Иванович!

Вице-адмирал Левченко поднялся со своего места, прокашлялся.

– Здравия желаю, товарищи офицеры, имею для вас ряд важных заявлений...

Общая стратегическая ситуация на фронтах Великой Отечественной войны в 1942 году действительно была серьезной, если не сказать – критической. То, что удалось огромными усилиями отбить третий удар фон Манштейна на Севастополь, фактически было единственной удачей советских войск. Алексей, сидя на совещании Военного совета СОРа¹, подумал, что если бы он не воспользовался своей уникальной «памятью попаданца», то и этого не было бы. Конечно, хвастливое заявление со стороны всего лишь случайного человека, затянутого в мощные жернова истории. Но именно Алексей стал той «алмазной пылинкой», которая сама перемолола эти неумолимые жернова.

Итак, по состоянию на июнь – август 1941 года Главная база Черноморского флота СССР – Севастополь – находилась на осадном положении. В Евпатории также был высажен многочисленный десант, и город продолжал сражаться, оставаясь под красным флагом. Крымский фронт намертво, зубами вцепился в Ак-Монайские позиции. Там образовалась так называемая Малая Земля. Интересно, что именно там сейчас, а не под Новороссийском, как знал об этом раньше Алексей, находился начальник политотдела армии, полковник Леонид Ильич Брежнев.

В более широком, стратегическом отношении Красная Армия терпела в 1942 году поражение за поражением.

После успешного контрнаступления под Москвой в декабре 1941 – январе 1942 годов последовал ряд серьезных неудач. За успешным контрнаступлением последовала печально известная «Ржевская мясорубка» – всего за четыре месяца наступления на Ржев Красная Армия, по официальным данным, потеряла около 770 тысяч человек.

В июле 1942 года в результате провала наступления на Харьков и «Барвенковского капкана» Красной Армии пришлось оставить освобожденный ранее 28 ноября 1941 года Ростов-на-Дону. Также на Крымском полуострове генерал-полковнику Эриху фон Манштейну удалось остановить наступление Крымского фронта, Красная Армия откатилась на Ак-Монайский перешеек Керченского полуострова, оставив Феодосию.

Гитлеровское командование развивало наступление на Кубань и Кавказ. Генерал танковых войск Фридрих Паулюс во главе Шестой армии Вермахта рвался вперед – к Волге и Сталинграду. Если крупнейшая водная и транспортная артерия Советского Союза будет перерезана – крах СССР станет неизбежен. Жаркое, огненное лето 1942 года отдавало кислой пороховой гарью. А город-герой Севастополь все еще держался!..

¹ СОР – Севастопольский оборонительный район.

– Товарищи офицеры, прошу внимания. Я должен зачитать вам Директиву Ставки Верховного Главнокомандования по обороне Крыма, согласно которой Севастопольский оборонительный район подлежит переформированию в Севастопольский фронт! – сказал вице-адмирал Октябрьский.

*ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК – 000435
КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ
СЕВАСТОПОЛЬСКОГО
ОБОРОНИТЕЛЬНОГО РАЙОНА,
КОМАНДУЮЩЕМУ
ЧЕРНОМОРСКИМ ФЛОТОМ,
НАРОДНОМУ КОМИССАРУ
ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА,
КОМАНДУЮЩЕМУ
51-й ОТДЕЛЬНОЙ АРМИЕЙ
О ФОРМИРОВАНИИ И ЗАДАЧАХ 51-й ОТДЕЛЬНОЙ АРМИИ 28 июля
1941 г. 22 ч 00 мин.*

1. Для дальнейшей обороны города Севастополь и Крыма переформировать 51-ю Отдельную армию, действовавшую ранее на правах фронта, в Севастопольский фронт с непосредственным подчинением Верховному Главнокомандованию.

Командующим фронтом назначаю вице-адмирала Левченко, его заместителем – генерал-майора Батова. Штаб армии – непосредственно Севастополь.

2. На фронт возложить задачи: а) не допустить врага на территорию Главной базы Черноморского флота Севастополя с суши, с моря и воздуха; б) удерживать Севастополь в наших руках до последнего бойца; в) действиями Черноморского флота воспретить подход и высадку в районе севастопольской ВМБ десантов противника.

3. В боевой состав войск вновь сформированного Севастопольского фронта включить стр. дивизии, особые стр. бригады морской пехоты, пополнения флотских экипажей, танковые и арт. соединения.

4. Командующему Севастопольским фронтом в оперативном отношении подчинить Черноморский флот в отношении выполнения задач, касающихся обороны севастопольской ВМБ, прилегающей акватории и охраны транспортов снабжения.

5. Военному совету Севастопольского фронта: а) за счет переброски пополнения из тыловых баз Новороссийска, Поти, Батуми сформировать две-три стрелковые дивизии и необходимое количество подразделений усиления и поддержки; б) немедленно усилить с привлечением оставшегося местного населения г. Севастополя инженерные работы по усилению обороны зоны ответственности Севастопольского фронта, прочно закрыв в первую очередь пути на рубежах: село Любимовка, Северная сторона, Мекензиевы горы, ст. Мекензия, г. Сапун-гора; в) очистить немедленно территорию от антисоветских элементов; г) для организации обороны Севастополя использовать все материальные средства. Все ценное и ненужное для обороны эвакуировать.

б. Зам. НКО генерал-лейтенанту авиации Жигареву в ближайшее время пополнить полк дальних бомбардировщиков до полного штата, перебросить

на угрожаемое направление штурмовой авиаполк полного состава и усилить авиацию Севастопольского фронта двумя истребительными полками.

7. Получение подтвердить.

Верховный Главнокомандующий

И. СТАЛИН

Глава 2

«Полуподводная» лодка

На одном из совещаний вице-адмирал Октябрьский посетовал, что снабжать Севастопольский фронт становится все сложнее. За время обороны Севастополя было потеряно очень много судов вспомогательного и торгового флота: транспортов, госпитальных кораблей, буксиров, сухогрузов, самоходных барж.

Одна из самых крупных потерь вспомогательного советского флота произошла 10 июня 1942 года. Тогда в Севастопольской бухте под бомбами гитлеровских самолетов погибло госпитальное судно «Абхазия». Красавец-теплоход был построен в 1927 году. До войны он ходил по Черному морю вместе со своими пятью «собратьями». А во время Великой Отечественной войны «Абхазия» стала плавучим госпиталем. На судне под красным крестом разместили 400 койко-мест, операционную и четыре перевязочных. Здесь работали девять врачей, почти три десятка медсестер и около ста санитаров.

«Абхазия» выполнила в общей сложности тридцать шесть эвакуаций, вывезя из Одессы, Севастополя, Феодосии, Ялты более тридцати двух тысяч человек.

Поздно ночью 10 июня транспорт «Абхазия» в сопровождении эсминца «Свободный», тральщиков и сторожевых катеров прибыл из Новороссийска в Севастополь. Судно доставило в город-крепость 287 бойцов пополнения, 261 тонну боезапаса, 100 тонн авиабензина, тринадцать авиационных моторов, 168 тонн продовольствия и 90 тонн цемента. Все это было крайне необходимо осажденному городу.

Разгрузка продолжалась до утра, рассвело. В этот летний день гитлеровцы сбросили на Севастополь около 5500 бомб, обрушили около 4500 снарядов.

Несколько бомб взорвались в трюмах и каютах, а потом – под корпусом транспорта «Абхазия». На корме вспыхнул сильный пожар, выключилось освещение. Еще несколько бомб взорвались в районе кают первого класса, первой дымовой трубы, второго и третьего трюмов. Судно приняло много воды и начало заваливаться на правый борт. Когда крен на правый борт достиг пятнадцати – двадцати градусов, перестали действовать малокалиберные зенитные пушки и тяжелые пулеметы «ДШК». Командир «Абхазии» – лейтенант Михаил Белуха отдал приказ «покинуть корабль».

Вместе с «Абхазией» на дно пошли 263 тонны невыгруженного боезапаса и 96 тонн продовольствия. По данным Министерства Морского флота, погибли восемь моряков из экипажа.

Правда, уже на следующий день после гибели транспорта с помощью водолазов частично достали боезапас и некоторое количество провизии.

* * *

Но самой страшной трагедией, которая затмевает даже катастрофу печально знаменитого «Титаника», является гибель однотипного с «Абхазией» госпитального судна «Армения». Трагедия произошла 7 ноября 1941 года.

А до того с 10 августа 1941 года «Армения» превратилась в санитарный транспорт на 400 койко-мест, с операционной и перевязочными. Капитаном судна был Владимир Плаушевский, главным врачом плавучего госпиталя назначили военврача второго ранга Петра Дмитриевского, уроженца Одессы.

Практически сразу же «Армения» стала эвакуировать беженцев из Одессы, гитлеровцы уже стояли у ворот «жемчужины у моря». Потом санитарный транспорт приступил к вывозу

раненых из Севастополя. Уже к началу октября 1941 года госпитальное судно перевезло на Большую землю около 15 000 человек.

В свой последний рейс 4 ноября 1941 года «Армения» вышла из порта Туапсе в Севастополь с пополнением и припасами на борту. До главной базы флота она дошла благополучно. Там капитан Плаушевский получил предписание эвакуировать не только раненых, но и личный состав всех госпиталей Черноморского флота, а также часть медперсонала Приморской армии.

Это распоряжение вице-адмирала Октябрьского оказалось явно поспешным, поскольку уже 7 ноября 1941 года была получена директива Ставки Верховного Главнокомандования. В ней говорилось: «Севастополя не сдавать ни в коем случае и оборонять его всеми силами».

Но вот до седьмого ноября подобных распоряжений из Москвы еще не было, и потому «Армения» принимала на борт медперсонал и не только его. На борт поднялись актеры местного Театра имени Луначарского, руководство и сотрудники пионерлагеря «Артек» и многие другие. Никаких точных списков тех, кто поднялся на борт «Армении», никто не вел.

Капитан Плаушевский получил еще один приказ: после погрузки в Севастополе зайти в Ялту, где принять на борт беженцев и местный партийный актив.

Но уже после отхода из Севастополя пришло дополнительное распоряжение: зайти в Балаклаву и забрать некий «спецгруз». Ящики на борт были доставлены в сопровождении сотрудников НКВД. Возможно, это было золото или ценности из музеев Крыма.

В Ялте госпитальное судно ждали толпы беженцев. Вначале грузили раненых, потом пустили гражданских. Билетов никто не проверял, и на трапе началась давка. Самые отчаянные лезли на судно по вантам. В суете с борта скидывали чемоданы, вещи.

В тот момент те, кто все-таки попал на борт «Армении», казались счастливыми. Но на самом деле все обстояло в точности наоборот.

На госпитальном судне оказалось от трех до десяти тысяч человек. Вероятнее всего – более семи тысяч. При том, что бывший грузо-пассажирский теплоход «Армения» был рассчитан всего на 950 человек.

Из ялтинского порта «Армения» вышла около восьми часов утра в сопровождении двух катеров – «малых охотников». В небе над госпитальным судном барражировало воздушное прикрытие – пара достаточно устаревших истребителей-бипланов «И-153» «Чайка». Конечно, выходить в море в светлое время суток – смертельный риск. Но и оставаться у причала было не менее рискованно: Ялта – не Севастополь, порт не имел зенитного прикрытия, а мотомеханизированные части Вермахта вошли в город уже через несколько часов после того, как «Армения» оставила порт за кормой...

Около полудня транспорт «Армения» настиг одинокий бомбардировщик-«охотник» «Хейнкель-111» из авиагруппы «I/KG28». Пузатый двухмоторный самолет с широкими крыльями и полностью стеклянным носом сбросил две торпеды. Одна прошла мимо, но зато вторая ударила в носовую часть советского госпитального судна.

Огромный теплоход «Армения» длиной почти 108 метров, высотой более восьми метров и водоизмещением 5770 тонн затонул всего за четыре минуты. Из нескольких тысяч несчастных спасти удалось всего восемь человек...

* * *

После этих несчастий и катастроф снабжение Севастополя, освобожденной Евпатории и керченской Малой Земли обеспечивали военными кораблями – эсминцами, дидерами и крейсерами. Даже подводными лодками умудрялись перевозить в осажденный Севастополь снаряды и патроны, провизию и медикаменты, эвакуировать раненых. Но эсминец или крейсер много припасов на борт не возьмет. Конечно, защита у него гораздо лучше, чем у обычных

транспортов, но гонять по морю большой военный корабль все же неоправданно рискованно и довольно дорого.

Шли переговоры, Алексей слышал, с американцами о приобретении лицензии на строительство судов снабжения класса «Либерти». Но это было достаточно долгим процессом.

* * *

Тогда Алексей в очередной раз воспользовался своей уникальной «памятью попаданца» и предложил вице-адмиралу Октябрьскому оригинальный, хотя и рискованный, проект.

Дело в том, что в конце XX и в начале XXI века крупные торговцы наркотиками стали использовать «самодельные» подводные лодки для незаконной перевозки больших партий кокаина из Колумбии в США.

Впервые такая «субмарина» была перехвачена береговой охраной США в 1993 году. Идея получила развитие, и вскоре Карибское море стали бороздить сотни кустарно сделанных подводных лодок.

Вообще-то, строго говоря, «наркосубмарина» все же является полупогружным судном. Конструкция из дерева и стеклопластика на основе скоростной рыбацкой лодки герметизируется эпоксидной смолой. Мощный дизельный двигатель снабжается трубой-шнорхелем для работы под водой с помощью атмосферного воздуха. Большую часть двадцатиметровой посудины занимает грузовой отсек, в нем помещаются от пяти до пятнадцати тонн кокаина. Ближе к корме располагается жилой отсек.

Капитан, он же часто и штурман, находится в небольшой рубке, выступающей над поверхностью моря. Из всего небольшого экипажа он единственный знает, где нужно принять и сдать «веселый груз». Иногда в экипаже присутствовал отдельно штурман или старший помощник, но чаще все же на команде экономили. Был еще инженер, который следил за работой двигателя и заполнением балластных цистерн, и трюмный матрос – он следил за грузом и выполнял подручную работу.

В принципе, такая подлодка кустарного производства окупалась за один рейс. Капитан получает примерно двадцать тысяч долларов за один рейс, длящийся до десяти суток. Команда – в половину меньше. При том, что один грамм кокаина в США стоит двадцать пять долларов.

Но в 2001 году Береговой охраной США был перехвачен настоящий подводный «наркокрейсер». Его длина составляла тридцать метров, а обводы корпуса подлодки были выверены настолько, что ее и не отличить от боевой серийной субмарины. Большая и прочная рубка увенчана высоким «шнорхелем» с видеокамерами дневного и ночного видения.

Но самодельные подлодки используют не только наркодельцы, но и контрабандисты на Средиземном море – для перевозки в Европу нелегальных мигрантов с Ближнего Востока.

В общем, у Алексея были достаточно серьезные основания «творчески переработать» проект «наркосубмарины» XXI века и представить его на рассмотрение компетентной комиссии во главе с вице-адмиралом Октябрьским. Конечно, инициатива какого-то майора береговой службы могла и затеряться. Но все же Золотая звезда на груди и слава командира батареи, уничтожившего знаменитую 800-миллиметровую «Дору» – жуткое детище заводов Круппа, позволили ему «пробить» свой проект у командования Черноморским флотом.

* * *

Конструкция представляла собой полупогруженную лодку водоизмещением сто пятьдесят – двести тонн. Она строилась из дерева, стыки тщательно промазывались смолой, герметизировались. В корме располагался дизельный двигатель. За ним к носу – небольшая рубка

управления. Там располагались перископ и труба-шнорхель, которая давала воздух команде и двигателю. Резервный шнорхель мог выдвигаться непосредственно из моторного отсека.

С внешней стороны крепкого деревянного корпуса по бокам располагались две сигарообразные стальные балластные цистерны. Система трубопроводов, клапанов и вентилей была достаточно примитивной, но надежной. Для экстренного всплытия могли быть использованы пороховые аккумуляторы давления – специальные патроны, которые воспламенялись и вытесняли сгоревшими газами воду из цистерн, превращая их в поплавки.

Всю носовую часть полупогружного судна занимал грузовой отсек на сто тонн. Его особенность заключалась в том, что крышка трюма была съемной. После загрузки, что называется, «под завязку», крышка опускалась и завинчивалась на специальные массивные «барашки» с резиновыми уплотнителями. А потом швы заливались кипящей смолой и тщательно герметизировались.

В таком виде полупогружной транспорт выходил в море. Окрашенный в серый, «шаровый» цвет, он был почти незаметен. Только рубка выступала из воды. На ходовом мостике наверху надстройки монтировалась турель с пулеметом. Но это была скорее психологическая мера, чем действительно защитная. Скрытность оказалась лучшей защитой.

Такие полупогружные транспорты строились за считанные недели с использованием достаточно примитивной промышленной оснастки. В кратчайшие сроки удалось насытить флот дешевыми и достаточно надежными плавсредствами.

Такие суда выходили караваном в сумерки, чтобы к рассвету достичь Севастополя или другого пункта назначения. Деревянная конструкция, несмотря даже на некоторую примитивность, оказалась весьма крепкой, а сами необычные плавсредства оказались достаточно надежными. Они без особых потерь переживали штормы и приходили в порты назначения, доставляя такие нужные Севастопольскому фронту грузы.

* * *

Конечно, бывали и аварии, и катастрофы, неуклюжие деревянные «почти субмарины» тонули, унося с собой на дно морское и отчаянную команду, и ценный груз. Особенно это касалось первых полупогружных транспортов, еще «сырых», с неотработанной конструкцией и различными производственными дефектами. Но постепенно качество и надежность увеличивались пропорционально накопленному опыту постройки.

Интересно, что сначала команды для «полуподводных лодок» набирались из проштрафившихся моряков – получился своеобразный «подводный штрафбат». Обычно краснофлотцев списывали на пять рейсов на полупогружных транспортах. После чего совершившие дисциплинарный проступок, а то и более тяжкое преступление оказывались списанными. И команда возвращалась обратно с незапятнанной репутацией – служить на свой корабль.

Но были и вольнонаемные экипажи из мобилизованного гражданского флота. За каждый рейс им платили огромные деньги, выдавали усиленный паек и «наркомовские» сто граммов водки. На отчаянный риск шли самые что ни на есть сорвиголовы, но те, кто выживал в этих опасных путешествиях, становились настоящими морскими волками.

* * *

Как только не называли эти неладно скроенные, но крепко сбитые деревянные полупогружные суда! И калошами, и коломбинами, и корытами. Но самым коротким и емким названием стало – «Алешкины гробы». Неведомым образом морская молва прознала об авторстве командира Тридцать пятой бронебашенной батареи и нарекла его именем его же неуклюжее, но оказавшееся надежным и незаменимым детище.

Теперь Алексей был твердо уверен, что обессмертил свое имя не только военными подвигами, но и флотским фольклором. А память моряцкая – ее ничем не перешибешь! «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» Ага, из дерева и металла, с задыхающимся дизелем в корме и командой, которая вынуждена по несколько дней, а то и по неделе-другой скрючиваться в три погребели. И вести свои полупогружные посудины туда, где их ждут с нетерпением, где каждый грамм перевозимого «Алешкиными гробами» груза – на вес золота.

Глава 3

«Die schweres Kanonenboot»

В оккупированном Николаеве на углу улиц Херсонской – бывшего проспекта Ленина, и Соборной установлена виселица. На веревках раскачивались несколько тел подпольщиков, вороны уже успели выклевывать им глаза, изорвали кровавыми лохмотьями скальпы.

Издававшаяся в Николаеве на украинском языке местная газета «Українська думка» постоянно публиковала приказы военного коменданта города обергруппенфюрера СС Эвальда Опперманна. За их неисполнение местных жителей ждали виселица или расстрел.

Сидящий в длинном «Мерседесе» с откидным верхом генерал-полковник Эрих фон Манштейн едва удостоил взглядом виселицу – «Das Ordnung und Disziplin!» Так и не ставшего фельдмаршалом творца «утерянных побед» занимали совсем иные, весьма невеселые мысли...

Сюда скоро прибудет с визитом сам фюрер, и от этой встречи будет зависеть не только возделенное фельдмаршальское звание, но и его, Манштейна, биография. Он немислимими интригами едва сумел удержать за собой командование 11-й армией Вермахта на подступах к Севастополю. На это звание претендовал старый осел Ганс фон Клюге, который зимой и весной 1942 года умудрился в оборонительных боях за Ржев разгромить мощную группировку Красной Армии. Тогда погибли около 700 000 русских, немецкие войска потеряли порядка 330 000 штыков. Гребаный «der Kluge Hans» – и прозвище это он получил в честь умного коня, что стало насмешкой для всех знающих офицеров Вермахта...

Тем не менее после провала зимнего наступления под Москвой Гитлер сместил с поста командующего Группой армий «Центр» фон Бока и поставил на его место осторожного и расчетливого фон Клюге.

Но куда сильнее «умного Ганса» Эрих фон Манштейн опасался другого фаворита Гитлера – Вальтера Моделя. В немецком Генштабе его называли еще «Meister die Affenzive» – «Мастером отступления» и «Feuerwehrmann das Fhürer» – «Пожарным фюрера». Генерал-полковник² Модель спасал самые безнадежные для Вермахта ситуации на Восточном фронте. Благодаря своим боевым заслугам Модель пользовался огромным доверием Гитлера.

Но сейчас он был занят командованием 9-й армией Группы «Центр» вместо отстраненного фюрером взрывного и неуправляемого Гейнца Гудериана.

Zum Teufel! – К черту! К черту все – сейчас фон Манштейн чувствовал, что сделал верную ставку. Его предложение встретило горячее одобрение у самого главнокомандующего Кригсмарине – гросс-адмирала Редера, кстати, тезки Эриха фон Манштейна.

Манштейн подал спасительную для Кригсмарине идею – блокировать Севастополь и обстреливать его не только с суши, но и с моря.

Для этого на верфи в Бремене срочно была возобновлена приостановленная было достройка «Зейдлица» – четвертого тяжелого крейсера типа «Адмирал Хиппер». Два его «собрата» – собственно «Адмирал Хиппер» и «Принц Ойген» – наводили ужас на союзнические конвои в Северной Атлантике. Не повезло только тяжелому крейсеру «Блюхер», которого расстреляли норвежские береговые батареи во время операции по захвату столицы страны – Осло 9 апреля 1940 года. После серьезных попаданий тяжелых 280-миллиметровых и 152-миллиметровых снарядов береговых батарей, а также попаданий из береговых торпедных аппаратов «Блюхер» получил тяжелейшие повреждения, загорелся, перевернулся и затонул.

Но теперь спешно достраивается тяжелый крейсер «Зейдлиц», который вообще уже хотели превратить – страшно подумать! – в легкий эскортный авианосец! Это ведь какое-то

² С 01.02.1942-го; 1 марта 1944 года присвоено звание генерал-фельдмаршала.

издевательство над мощным артиллерийским кораблем! В общем, и Густав Крупп фон Болен учуял крупные барыши и остался доволен предложением Эриха фон Манштейна. А уж он-то – крупнейший промышленник Третьего Рейха, председатель президиума Reichsverband der Deutschen Industrie – Имперского союза германской промышленности и президент «фонда Адольф Гитлер» – сможет подвести фюрера к правильному решению. Естественно, выгодному и самому фон Манштейну!..

Но и достройка тяжелого крейсера «Зейдлиц» была только частью мозаики. Сейчас вниз по Дунаю шли перевезенные по железной дороге два броненосца – «Шлезвиг-Гольштейн» и «Шлезииен». Такой уникальный и крайне затратный способ передвижения был выбран потому, что два ветерана Ютландского сражения Первой мировой войны не смогли бы одолеть путь из Северного моря вокруг Европы через Средиземное море в Черное море. Их бы точно утопили крейсера и авиация США и Великобритании. А так они станут пока основой сил Кригсмарине на Черном море.

* * *

Огромное значение в планах не только Третьего Рейха, но и в личных планах не состоявшегося пока фельдмаршала Эриха фон Манштейна играл город Николаев. После захвата города гитлеровскими войсками 17 августа 1941 года был образован Generalbezirk Nikolajew – Генеральный округ «Николаев», который вошел в состав рейхскомиссариата «Украина». На огромной территории около полумиллиона квадратных километров проживали почти два миллиона человек. Генеральным комиссаром Николаевского округа был назначен обергруппенфюрер СС Эвальд Опперманн.

Оккупанты придавали серьезное значение судостроительной промышленности Николаева, поскольку он являлся крупным морским портом на юге оккупированной Украины. Они возлагали большие надежды на быстрое восстановление судостроительной промышленности как мощного средства для господства на Черном море и для дальнейшего наступления в глубь Советского Союза.

В связи с этим управление и эксплуатация судостроительных заводов и портов Черноморского бассейна были переданы не как обычно Рейхсминистерству по руководству экономикой в оккупированных восточных областях, а непосредственно Управлению военной экономики и снаряжения при Главном штабе Вооруженных сил Германии с прямым подчинением главнокомандующему Военно-морскими силами гросс-адмиралу Редеру.

Это тоже учитывал в своих раскладах хитрый «кандидат в фельдмаршалы» Эрих фон Манштейн. Дело в том, что Адольф Гитлер после потопления линкора «Бисмарк» в мае 1941 года в Датском проливе понемногу начал утрачивать интерес к надводным кораблям, склоняясь к концепции подводной войны, которую активно продвигал соперник Эриха Редера – гросс-адмирал Карл Дениц. Для Редера предложение Манштейна об использовании против непокоренного Севастополя крупных надводных сил стало буквально «манной небесной»! Таким предложением вполне можно было вернуть переменчивую милость бесноватого фюрера.

После захвата гитлеровцами Николаева все промышленные предприятия были реквизированы. Черноморский судостроительный завод был переименован в «Южную верфь», Судостроительный завод имени 61-го коммунара – в «Северную верфь», судоремонтный завод – в «Малую верфь».

На базе «Южной верфи» гитлеровцы создавали штаб по руководству строительством военных кораблей и подводных лодок во главе с адмиралом Циба и контр-адмиралом Клаусеном. Управляющим всеми кораблестроительными заводами Николаева и Одессы был назначен генерал фон Бодеккер.

* * *

Сейчас фон Манштейн вместе с генералом фон Бодеккером как раз ехали инспектировать «Северную верфь». Она досталась немцам большей частью работоспособной, поскольку у отступающей Красной Армии попросту не хватило взрывчатки. Здесь на Заводе 61-го коммунара, например, было только десять толовых шашек. Николаевская судовой верфь досталась немцам практически работоспособной.

Удалось только взорвать стапеля Судостроительных заводов имени А. Марти, а также Завода 61-го коммунара. Были также взорваны важнейшие цеха, из строя частично выведено оборудование кораблестроительных заводов.

Автомобили фон Манштейна и фон Бодеккера притормозили перед воротами заводской проходной, а потом въехали на территорию. Вслед за ними последовали два угловатых, вооруженных скорострельными 20-миллиметровыми пушками броневика охраны.

Эрих фон Манштейн с любопытством осматривал циклопические сооружения верфей, стальной лес грузовых кранов. Словно выброшенные на берег гигантские стальные рыбыны лежали недостроенные советские подводные лодки.

Оккупантам досталась богатая добыча – пятнадцать недостроенных кораблей, в том числе линкор «Советская Украина», тяжелый крейсер «Севастополь», легкие крейсера «Свердлов» и «Орджоникидзе», а также эсминцы «Отменный», «Обученный», «Отчаянный», «Общительный». А также пять подводных лодок и два сторожевых катера. Готовность кораблей составляла от трех до семнадцати процентов. Сначала оккупанты хотели разрезать эти корабли на металлолом и вывезти в Германию. Но хитрый фон Манштейн убедил гросс-адмирала Редера в том, чтобы использовать еще советский судостроительный задел для создания мощного прибрежного флота и обстреливать Севастополь с моря.

Кроме корпусов кораблей немцы захватили на николаевских судостроительных заводах еще и массу ценного оборудования, в том числе много уже изготовленных механизмов, корабельных систем и вооружения. Например, пять спаренных башен «Б-2ЛМ» для 130-миллиметровых орудий. Их предполагалось ставить на советские эсминцы.

С дешевой рабочей силой тоже проблем не возникало. Рядом с одним из судостроительных заводов был создан лагерь для советских военнопленных – «Шталаг-364», в котором содержались около 30 тысяч человек. Именно они и должны были ремонтировать и строить военные корабли Кригсмарине и их союзников на Черном море.

Кроме того, каждый трудоспособный горожанин обязан был работать на «новый порядок», ему выдавались специальные трудовые карточки «мельдекартен» с регулярными двухнедельными отметками по месту работы. За несоблюдение этих правил или уклонение от явки на биржу труда – виселица или расстрел. «Das Ordnung und Disziplin»!

Теперь, чтобы реализовать честолюбивые планы, генерал-полковнику фон Манштейну оставалось только дожидаться визита Адольфа Гитлера в оккупированный Николаев!..

* * *

Два угловатых трехмоторных «Юнкерса-52» со свастиками на широких хвостах заходили на посадку на аэродром в Широкой Балке в окрестностях Николаева. Над ними, гудя моторами, стремительно проносились желтоносые «Мессершмитты-109» воздушного эскорта.

На краю взлетной полосы выстроились встречающие. Среди них – генерал-полковник фон Манштейн, комендант Николаева обергруппенфюрер СС Опперманн, контр-адмирал Клаусен, управляющий всеми кораблестроительными заводами Николаева и Одессы генерал фон Бодеккер.

Когда транспортные трехмоторные самолеты зарулили, развернулись на полосе и заглушили двигатели, из них сначала выбралась вооруженная охрана. Затем военные репортеры немецкого киножурнала «Deutsche wochenschau».

Надо сказать, что и среди встречающихся находились их коллеги – репортеры местных оккупационных газет «Германское Прибужье» и «Голос Дніпра».

Затем по небольшому трапу спустился на землю и сам великий фюрер германской нации – маленький дерганый человечек с безумными глазами, характерными короткими усиками и челкой. Адольф Гитлер был одет в повседневную полувоенную форму. Он вяло вскинул руку в нацистском приветствии. Строй замер по стойке «смирно».

– Хайль Гитлер!

Контр-адмирал Клаусен прямо у самолета докладывает состояние дел, Гитлер внимательно слушает. Рядом жужжат кинокамерами и щелкают затворами фотоаппаратов немецкие репортеры из «Deutsche wochenschau» и местные гитлеровские подстилки...

* * *

На одном из судостроительных заводов Николаева фюрер Адольф Гитлер принял участие в церемонии спуска на воду сразу двух новейших боевых кораблей, die schweres Kanonenboot – тяжелых канонерских лодок. На своих бронированных бортах они несли названия «Адмирал Лютенс» и «Капитан цур-зее Линдеман» – в честь командующего походом и командира линкора «Бисмарк», погибших 27 мая 1941 года вместе с кораблем.

Идея создания тяжелой канонерской лодки принадлежала сугубо сухопутному офицеру – генерал-полковнику Эриху фон Манштейну. Он планировал использовать оба уже построенных корабля и еще пару строящихся для массированных обстрелов непокорного русского Севастополя с моря.

Еще на стапеле эти корабли получили неофициальное название «карманный Тирпитц» – по аналогии с «карманными линкорами» Гитлера, тяжелыми крейсерами типа «Адмирал Хиппер». И тому было свое объяснение. Вся конструкция тяжелой канонерской лодки была создана вокруг массивной, почти трехсоттонной носовой двуствольной башни от линкоров класса «Тирпитц» и «Бисмарк». В ней находились две мощные 380-миллиметровые пушки, способные стрелять на тридцать шесть с половиной километров.

Дополнительное вооружение размещалось на корме. Это были две 88-миллиметровые зенитки «8,8 cm FlaK 18/36». Знаменитые «Acht-acht», или «восемь-восемь», могли поражать корабли и самолеты противника на дальности до двадцати километров со скорострельностью пятнадцать – двадцать выстрелов в минуту. Дополнительно по бортам тяжелой канонерской лодки были установлены счетверенные 20-миллиметровые зенитные автоматы «Flak-Vierling».

Два мощных и компактных дизеля разгоняли die schweres Kanonenboot водоизмещением чуть больше тысячи тонн до приличной скорости. На коротких дистанциях тяжелая канонерская лодка вполне могла потягаться даже с эсминцем.

Борта и надстройка имели серьезное бронирование, способное противостоять прямым попаданиям 100-миллиметровых снарядов противника.

– Герр Манштейн, не хотели бы вы перейти на службу в Кригсмарине? – пошутил Гитлер. Видно, что тяжелые канонерские лодки ему понравились. Маленький человечек питал тягу ко всему огромному, подавляющему волю и воображение. И неважно, что такие проекты были напрочь лишены рационального зерна. Было в этом что-то фрейдистское...

– Никак нет, мой фюрер! Это лишь мой скромный вклад в наше общее дело победы Великого Рейха! Зиг хайль! Я лишь прошу предоставить мне честь бросить к ногам Великого фюрера *das uneinnehmbare russische Festung!*³

– Неприступная русская крепость падет под коваными сапогами моих арийских воинов – панцергренадеров! Это будут деяния, достойные Тора и Одина!!! – Гитлер вошел в раж, в его темных глазах всколыхнулось безумие. – Этот город должен быть *restlos vernichtet* – полностью разрушен! Полностью!!!

* * *

Проект создания тяжелых канонерских лодок для обстрела Севастополя, предложенный генерал-полковником фон Манштейном, был принят безоговорочно и получил высший приоритет. Два спущенных на воду корабля достраивались на плаву. Мощные подъемные краны перенесли и аккуратно поставили носовые башни. В них аккуратно установили чудовищные 380-миллиметровые орудия, каждое из которых весило 111 тонн. Угловатые башни самых мощных линкоров Третьего Рейха были несколько доработаны для того, чтобы увеличить угол возвышения и тем самым увеличить дальность стрельбы до сорока пяти километров. Орудия стреляли огромными 800-килограммовыми бронебойными и осколочно-фугасными снарядами.

В принципе, Эрих фон Манштейн не выдумал ничего нового. Еще в 1915 году в Великобритании была построена серия из шести мониторов береговой обороны типа «Лорд Клайв». Три из них – «Лорд Клайв», «Принс Юджин» и «Генерал Вульф» – в 1918 году были довооружены сверхмощными 457-миллиметровыми орудиями.

Огромная башня размещалась на корме кораблей прибрежной зоны, и это была самая крупнокалиберная артиллерийская система флота «владычицы морей» за всю ее историю! Эти орудия стреляли самыми тяжелыми снарядами, которые когда-либо применялись в корабельной артиллерии. Первоначально чудовищные 457-миллиметровые орудия планировались для установки на линейный крейсер «Фьюриес». Но его переоборудовали в авианосец. А «бесхозные» орудия-монстры по одному установили в кормовых башнях трех мониторов. Они даже успели повоевать в Первой мировой войне, обстреливая побережье Германии. При этом монитор «Генерал Вульф» сделал самый дальний артиллерийский выстрел за всю историю Королевского флота. Из своего орудия-чудовища он обстрелял железнодорожный мост на расстоянии почти тридцать три километра.

Первые две тяжелые канонерские лодки вошли в состав Оперативной эскадры «Schwarzes Meer» в середине сентября, на них даже толком не проводили ходовые испытания. Считалось, что они будут испытаны непосредственно в бою. Рискованно, но, в принципе, не так уж и фатально. Командующим оперативной эскадрой «Черное море» был назначен контр-адмирал Клаусен.

Кроме того, в состав оперативной эскадры вошли два прибывших по Дунаю «ветерана» Ютландского сражения – броненосцы «Шлезвиг-Гольштейн» и «Шлезия». Сейчас они находились на переходе морем от устья Дуная к занятой румынами и немцами Одессе. В составе оперативной эскадры «Schwarzes Meer» находились также два дивизиона универсальных самоходных барж «Зибель» и дивизион «шнельботов» – торпедных катеров.

Пока что все эти силы только лишь разворачивались, но когда они достигнут оперативной готовности, неприступный Севастополь будет окончательно блокирован еще и с моря.

А генерал-полковник фон Манштейн все же получит еще одну возможность стать генерал-фельдмаршалом...

³ *Uneinnehmbare russische Festung* (нем.) – неприступная русская крепость.

Глава 4

Балаклавская наступательная операция

Вечером свободные от службы офицеры собрались в кают-компании бронебашенной батареи. Сейчас стояло относительное затишье и была возможность ввести нормальное, без авралов боевое расписание вахт. Алексей, весь день проверявший приборы управления огнем, наконец отложил все дела.

На флоте кают-компания является душой всего офицерского коллектива, здесь, по строгим неписаным правилам военно-морской жизни, запрещены разговоры о политике и прочей суете. Друг друга офицеры в кают-компании называют по имени или по имени-отчеству, без чинов и званий. Ссориться здесь или выяснять отношения – признак дурного тона. Опять же, по неписаному обычаю, старшим по кают-компания на флоте был не капитан, а старпом. На 35-й батарее почетную обязанность «хозяина и ревнителя традиций» исполнял помощник командира батареи Виктор Никульшин.

Здесь отдыхали душой. В углу небольшой, но уютной комнаты, отдавая дань военно-морским традициям, стояло пианино. Сейчас за ним наигрывал «Раскинулось море широко» инженер-электрик батареи, воентехник первого ранга Николай Широков. Свободные от вахты офицеры играли в шахматы, карты на батарее Алексей строго-настрого запретил.

– Никаких игральных карт – только топографические! – пошутил он.

Офицеры и матросы шутливый намек командира поняли сразу.

– Шах и мат! – завершил партию комиссар батареи Виктор Иванов. – Учись, Коля, шахматы – это древнейшая военно-тактическая игра. Ею должен в совершенстве овладеть каждый офицер!

– Эх, Иван Ефимович, конечно, с вашим-то опытом!.. – сокрушенно развел руками начальник химслужбы лейтенант Николай Резаев.

– Что-то засиделись мы: шахматы, пианино, скоро квартет с виолончелью пригласим!.. А воевать-то когда?.. – недовольно спросил молодой младший лейтенант Василий Афанасенко.

– А вот это, Вася, как раз тебе виднее!.. – рассмеялся Алексей. – Ты же у нас начальник связи. А вот по поводу квартета с виолончелью – это ты здорово придумал. Надо подумать, может, действительно пригласим девушек из Севастопольского дома офицеров?

* * *

– Товарищ командир, вам шифровка! Получена только что. – В центральный пост управления стрельбой батареи почти вбежал лейтенант Афанасенко.

Алексей как раз находился на вахте и принимал доклады с главного дальномерного поста. Наблюдатели в бронированных рубках, снятых с линкора «Измаил», следили за обстановкой сквозь мощную оптику. Основной командно-дальномерный пост находился в четырехстах пятидесяти метрах севернее, запасной КДП – южнее на расстоянии двухсот метров. Обе массивные бронированные рубки могли противостоять мощным пятнадцатидюймовым снарядам противника и выдерживать попадание авиабомбы весом в тонну. Командно-дальномерные посты являлись «глазами» батареи, а Центральный пост управления стрельбой – «мозгом».

Командир батареи принял из рук начальника связи бланк секретной шифротелеграммы с красной полосой по диагонали. Пробежал глазами текст и отдал обратно начальнику связи.

– Ну, Вася, вот ты и дождался, засиживаться, как ты недавно выразился, более не придется. – Алексей снял с креплений массивную телефонную трубку внутренней связи. – Внимание, всем отсекам – боевая тревога!

Старшина Центрального поста Николай Ярыгин включил тревожную сирену, а старшина батареи Борис Климентьевич Мельник продублировал или, как говорят на флоте, «отрепетовал» сигнал.

Приказ срывал матросов с коек, по сводчатым коридорам-потернам, проложенным в глубине железобетонного массива батареи, гулко разносилось эхо тяжелых матросских ботинок. От топота вибрировали крутые металлические лестницы подземных уровней-этажей. Щелкали кремальберные запоры массивных бронедверей, разделяя отсеки «непотопляемого линкора». С привычным металлическим лязгом проворачивались массивные механизмы. Оживал сложнейший боевой механизм.

– Товарищи офицеры, поступила шифровка штаба Севастопольского фронта: вскрыть пакет № 17, – обратился Алексей к офицерам боевого управления на Центральном посту.

Он подошел к вмурованному в стене сейфу, вставил личный ключ и открыл массивную дверцу. В присутствии помощника командира Виктора Никульшина и комиссара батареи Виктора Иванова комбат вскрыл секретный пакет номер семнадцать. Этот пакет был доставлен спецпочтой две недели тому назад.

«Боевой приказ.

Обеспечить огневое подавление противника в районе н.п. Балаклава. Держать под огневым контролем прилегающие дороги до пер. Байдарские ворота. Расход боеприпасов не ограничен. Связь с подразделениями держать по рации на частоте 152.2 МГц, запасной канал связи – 108.8 МГц, Генерал-майор береговой службы П. Моргунов».

– Все ясно?

– Так точно!

– Вопросы?

– Никак нет!

– К выполнению боевого задания – приступать! – скомандовал Алексей.

Тут же последовала переключка команд по внутренней связи, расчеты различных служб заняли места согласно боевому расписанию. Моряки-артиллеристы береговой батареи действовали четко и слаженно, с 22 июня и за весь предыдущий, самый тяжелый и кровопролитный год войны они отточили свои навыки до автоматизма, научились еще и смежным воинским специальностям. Конечно, кто жив остался...

От комендоров орудий, obsługi погребов боезапаса, расчетов командно-дальномерных постов, поста связи, радиолокаторщиков, персонала электронной вычислительной машины – наиболее засекреченного подразделения, из других отсеков «сухопутного линкора» пришли соответствующие доклады.

– Товарищ командир, батарея к бою готова, – доложил помощник Виктор Никульшин.

– Понял, товарищи офицеры, необходимо рассчитать условия стрельбы. Балаклава находится от Севастополя на расстоянии шести километров, поэтому стрелять будем половинным зарядом при максимальном значении угла вертикальной наводки орудийных стволов – тридцать пять градусов. Уточнить координаты, выработать расчеты для вертикального и горизонтального наведения.

– Есть, выполняем.

Географические координаты целей – широта и долгота теперь преобразовывались в строчки уравнений, значения которых трансформировались через синусы, косинусы и тангенсы углов в конкретные значения, которые затем передаются наводчикам в обе башни 305-миллиметровых орудий. Офицеры-артиллеристы во главе с Алексеем готовили данные, чтобы ввести их в ПУС – прибор управления стрельбой, своеобразный электромеханический компьютер.

Параллельно все данные обрабатывались и на электронной счетно-решающей машине. Это не был компьютер в прямом смысле слова, скорее – гигантский электронный калькулятор на радиолампах. Но и он занимал целый отсек. Детище гениального физика и математика Мстислава Всеволодовича Келдыша, который впоследствии станет вдохновителем советской космической программы и Президентом Академии наук СССР. Но сейчас он прежде всего талантливый ученый, создавший уникальную электронно-вычислительную систему артиллерийской стрельбы. Его ЭВМ повысила точность ударов сверхтяжелых орудий в несколько раз.

– Цели распределены и обозначены, – доложили офицеры-вычислители боевого управления.

– Стрельба обеими башнями, заряд половинный, снаряд шрапнельный с дистанционным подрывом и шрапнельно-огневой с дистанционным подрывом, – приказал Алексей. – Стрельба будет вестись с корректировкой огня с борта крейсера «Красный Крым».

Команды отразились в чутких мембранах массивных телефонных трубок внутренней связи, потекли по проводам, пронизывая железобетонный массив, словно нервные импульсы. Огромный «стальной организм» бронированного монстра Страны Советов ожил, стал наполняться сокрушительной, всеразрушающей силой. Чтобы обрушить ее на врага!

В темных погребах боекомплекта старшина кладовщиков боепитания Алексей Побыванец командовал своими людьми, которые перегружали снаряды и заряды к ним в барабаны автомата заряжания. Одним из новшеств донецкого артиллериста-отставника в новом для него мире стало внедрение автомата заряжания, как на танке «Т-72». В вертящемся бронированном барабане были уложены по кругу двадцать снарядов, а над ними – метательные заряды. Лоток загрузки выбирал их в зависимости от того, какой именно снаряд был нужен. Более того, при загрузке в барабаны система автоматически запоминала, в каком отделении барабана какой из двадцати снарядов находится. Все остальное происходило автоматически: лоток со снарядом и зарядом поднимался к затвору орудия и происходило досылание, минуя перегрузочное отделение. Таким образом, почти вдвое увеличивалась скорострельность бронебашенной батареи.

Все операции по открытию и закрытию массивного поршневого затвора орудия, досыланию снаряда и метательного заряда к нему производились автоматически, с помощью электромоторов и массивных исполнительных механизмов. Это здорово облегчало работу комендору орудийного расчета и позволяло при необходимости задействовать гораздо меньшее количество артиллеристов. Такая организация стрельб тем более была актуальна, поскольку многих матросов и старшин отправили в сводные подразделения морской пехоты на рубежи обороны Севастополя. Людей, несмотря на пополнения, катастрофически не хватало. Многие из батарейцев погибли смертью храбрых в дни второго и особенно третьего штурма Севастополя. Но чести своей не унизили и город-крепость отстояли.

Обе огромные, словно стальные динозавры, девятисоттонные башни развернулись, устремив выше горизонта чудовищные стволы орудий. В тесном от обилия механизмов броневом пространстве все было готово к стрельбе. Недействующий личный состав удалился в укрытия. Внутри каждого из четырех стволов сейчас покоился 480-килограммовый снаряд. Впереди заостренного, аэродинамически-обтекаемого носа расходились спиральные нарезки – ведущие медные пояски вонутся в них, раскручивая стальные «консервы Апокалипсиса». За черным тоннелем с расходящимися спиральями лежало огромное пространство. И где-то там – цель.

Командиры первой и второй бронебашен лейтенант Александр Конякин и старший лейтенант Лев Репков доложили о готовности к стрельбе.

* * *

Бои на подступах к Балаклаве были не менее ожесточенные, чем на севастопольских рубежах. Здесь яростно сражались бойцы подразделений НКВД, и не было случая, чтобы они отступили без приказа. Здесь же, на западном берегу, под скалой Мотам базировалась береговая батарея 152-миллиметровых орудий № 19, больше известная как «батарея Драпушко». А гитлеровцы дали ей более серьезное название – форт «Кентавр-I».

Четыре орудия батареи впервые открыли огонь по противнику 6 ноября 1941 года. На пределе дальности стрельбы были уничтожены позиции гитлеровцев у деревни Шули. Всего шестого ноября было выпущено семьдесят 152-миллиметровых снарядов. А седьмого ноября – в праздничный день – артиллеристам была объявлена первая благодарность от командования за меткую стрельбу. Среди защитников Балаклавы за батареей закрепилось ласковое прозвище – «Мамаша».

Даже когда «батарея Драпушко» была выведена из строя вражеским огнем, советские артиллеристы не сдались. Они из четырех поврежденных пушек собрали два исправных орудия и продолжали громить фашистскую сволочь тяжелыми шестидюймовыми снарядами!..

Оборона Балаклавы продолжалась с сентября 1941 по июнь 1942 года. Город был оставлен только 30 июня. Теперь его нужно было отбить у немцев обратно.

* * *

На траверзе Балаклавы уже находился крейсер «Красный Крым» в сопровождении двух эсминцев. Отряд вышел из Севастопольской бухты еще затемно, чтобы визуально провести доразведку целей и корректировать артиллерийскую стрельбу дальнобойной бронебашенной батареей. Едва корабельное соединение Черноморского флота попыталось подойти к берегу, как оттуда ударила немецкая гаубичная батарея. Крейсер и эсминцы отошли мористее, но в штаб Черноморского флота, а оттуда – в штаб Севастопольского фронта и далее – через штаб Береговой обороны электромагнитные волны понесли радиogramмы на узел связи Тридцать пятой батареи. Крейсер «Красный Крым» выступал сейчас в непривычной для себя роли корректировщика. Его капитан, опытный моряк Александр Илларионович Зубков, маневрировал среди белопенных всплесков, которые поднимали немецкие снаряды. В это время в радиорубке крейсера радист на ключе отстукивал морзянкой группы цифр, которые принимали за несколько километров в Центральном посту 35-й бронебашенной батареей...

* * *

За месяц с небольшим гитлеровцы превратили Балаклаву в неприступную крепость. Все местное население было либо выселено, либо мобилизовано на работы, а затем с немецкой методичностью расстреляно. Советские военнопленные работали на карьере, добывая камень и щебенку, которая тут же шла на изготовление бетона. Захваченные советские и привезенные из Германии огромные экскаваторы вгрызались в неподатливую каменистую почву стальными челюстями ковшей. Бетонные казематы, бункеры, высокозащищенные огневые точки превратили некогда мирную рыбацкую дереvушку в неприступную береговую крепость.

* * *

– Цель № 1 – батарея 150-миллиметровых гаубиц противника. Четырехорудийным залпом – огонь!

Давно развернутые стволы орудий изрыгнули в огне и грохоте могучие снаряды. Обтекаемые заостренные «болванки», раскрутившись в нарезках канала ствола, обрели, наконец, свободу на просторе спрессованного скоростью воздуха. Однако пороховой заряд, который их вытолкнул, был ослаблен. Поэтому, взлетев под большим углом к горизонту, снаряды по крутой дуге устремились на цели. Каждый 305-миллиметровый шрапнельный «подарочек» Тридцать пятой батареи поражал по фронту площадь в 250 метров и до двух километров в глубину! Поэтому, когда снаряды подорвались на определенной высоте над немецкими позициями, спасения от массивных свинцовых пуль просто не было. Разве что в блиндаже. Но до него нужно было еще добежать...

Увлеченные стрельбой по советскому крейсеру и паре эсминцев, немецкие артиллеристы пропустили момент собственной смерти.

Свинцовая шрапнель, вылетающая из бешено крутящихся в полете снарядов, не пощадила никого. Орудия и дальномеры оказались так же изуродованы, как и тела немецких артиллеристов. Свинцовые шарики рикошетили от стальных частей орудий, и их скорость все еще была достаточной, чтобы оторвать голову, снести полчерепа или же мгновенно «ампутировать» руку или ногу. Некоторым «фрицам» раскаленные свинцовые шарики прошибали грудную клетку или же рвали кишки и внутренние органы.

Фатально не повезло и зенитчикам Люфтваффе. Две 88-миллиметровые пушки «8,8 cm FlaK 18/36» и четыре легких «скорострелки» превратились в металлолом, изрядно заляпанный кровью их орудийных расчетов.

Раненых оказалось совсем немного. Немецкая береговая батарея из шести 150-миллиметровых орудий, два мощных прожектора и несколько зениток, прикрывающих вход в Балаклавскую бухту, перестали существовать за считанные минуты.

Очередная группа цифр от крейсера «Красный Крым» мгновенно унеслась по радиоволнам импульсами точек-тире к бронебашенной береговой батарее.

Теперь под удар попали причалы и склады уже непосредственно в Балаклавской бухте, окруженной с моря высокими скалами, а с суши – горой Таврос. Шрапнельно-огневые 305-миллиметровые снаряды содержали четыре сотни стеклянных шаров-ампул с огнесмесью «КС» внутри. Она вспыхивает от контакта с кислородом воздуха. Мгновенно.

Стеклянные шары разлетелись в разные стороны, разбиваясь о крыши складов, палубы и такелаж сторожевых кораблей – вооруженных пулеметами и малокалиберными пушками реквизируемых немцами гражданских судов. Находились в гавани Балаклавы и более серьезные корабли: быстроходные торпедные «шнельботы» и несколько самоходных барж «Зибель», превращенных в канонерские лодки. На каждой самоходной барже находились по два-три 105-миллиметровых орудия и спаренные скорострельные зенитные пушки. Действуя в прибрежных районах, такие импровизированные канонерки могли доставить защитникам Севастополя и Черноморскому флоту немало хлопот.

Но сейчас все они пылали, словно огромные костры. Горела вода вокруг них – зажигающая смесь «КС» покрывала волны маслянистой пленкой. С треском и грохотом рвались артиллерийские снаряды в погребах боезапаса. Огненная вспышка расколола надвое один из «Зибелей» – рванули топливные цистерны.

Паника охватила матросов Кригсмарине. Такой лютой смерти себе не желал никто. Обратиться в головешку в чудовищном огненном шторме, предварительно выхаркав, если успеешь,

собственные полусгоревшие легкие – в этом не было ничего героического, и навряд ли валькирии вознесут обугленные тела в Вальхаллу!..

Следующая серия выстрелов далекого и страшного русского форта «Maxim Gorky-II» уже состояла из осколочно-фугасных и специальных бетонобойных снарядов с усиленной головной частью. Они ударили как раз по тем самым блиндажам и железобетонным укреплениям, в которые попрятались выжившие после первых залпов немцы и румыны. Теперь наследники кайзеровской Германии могли почувствовать и пережить то, что испытали бельгийцы в крепости Льеж в августе 1914 года. Или – что чувствовали годом позже защитники русской крепости Осовец...

История – во многом наука более точная, чем математика, и уж действительно – куда более беспощадная. А принцип воздаяния в ней проявляется достаточно часто.

* * *

В полутьме Центрального поста Алексей давал новые вводные личному составу батареи. Теперь, после внезапного удара огневой и обычной шрапнелью следовало перейти к планомерному разрушению железобетонных укреплений врага. Рядом с картой Балаклавы и окрестностей лежал фотопланшет с результатами аэросъемки с самолетов-разведчиков А-20 «Бостон» ВВС Черноморского флота. На фотографиях, несмотря на маскировку, были заметны детали казематов и укрепленных капониров, заглубленных бункеров и огневых точек.

– Левее тридцать, удаление девять с половиной, цель № 3 – железобетонный ДОТ⁴. Четырьмя бетонобойными снарядами – огонь!

– Есть левее тридцать градусов, удаление девять-пятьсот.

Из барабанов автоматов заряжания под броневыми башнями на лотки легли серые остроносые снаряды с блестящими медными ведущими поясками. Весь цикл открытия-закрытия массивных затворов и сама процедура заряжания выполнялись все так же автоматически. Тяжеловесный грохот залпа грянул с минимальным интервалом.

Благополучно пройдя по привычной крутой траектории, бетонобойные снаряды ударили в массивные перекрытия долговременной огневой точки. Она представляла собой небольшую крепость, которая прикрывала своими пушками и пулеметами дорогу из Севастополя в Балаклаву.

Недолет-перелет – вокруг бетонного строения, замаскированного дерном и кустами, взвились дымно-огненные фонтаны. От ударов содрогнулась земля.

Но все же один снаряд попал в цель. Полтонны массы, помноженные на ускорение, проломили перекрытие верхнего пулеметного этажа огневой точки. При этом острый баллистический наконечник смялся, а вот тупоносый массивный снаряд пошел дальше, пронизав еще и нижний этаж, на котором в амбразурах торчали длинные стволы трех противотанковых пушек. В своем неуправляемом движении полтонны закаленного металла ударили в бетонный пол, проломив и его. На этом кинетическая энергия советского снаряда иссякла.

Полутонная болванка обрушила железобетонные перекрытия, похоронив под развалинами большую часть гарнизона укрепленной огневой точки. Но едва выжившие счастливо перевели дух, как сработал взрыватель снаряда, выставленный на замедление. Новый столб огня, дыма и бетонных обломков вырвался из расколотого ДОТа. Не таким уж и «крепким орешком» он оказался для советской артиллерии!..

⁴ ДОТ – долговременная огневая точка.

* * *

Тридцать пятая бронебашенная батарея нанесла еще несколько ударов бетонобойными и осколочно-фугасными снарядами. После чего советские артиллеристы снова переключились на огневую шрапнель. Жидкое пламя заползало в разбитые бетонные укрепления, выжигая внутри все дотла. Алексею, естественно, был знаком эффект «объемного взрыва». Горение в замкнутом пространстве происходило почти мгновенно, сжигая весь кислород воздуха. Такой эффект приводил еще и к резкому перепаду давления. В просторечии подобное явление еще называют «вакуумной бомбой». Отставной артиллерийский офицер из Донецка XXI века, столкнувшийся с применением бомб объемного взрыва в Афгане, использовал свои познания на всю катушку!

* * *

Как только были уничтожены береговые батареи противника, крейсер «Красный Крым» вместе с тремя эсминцами подошел ближе. На двадцати километрах дистанции 130-миллиметровые орудия главного калибра кораблей открыли шквальный огонь по берегам Балаклавской бухты. По большому счету скалы надежно укрывали и извилистый выход на большую воду, и саму бухту, поэтому эффект был скорее психологический.

Но вот из-за силуэтов крейсера и трех эсминцев показались юркие торпедные катера. Быстроходные и маневренные кораблики в данном случае использовались для десантирования групп первого броска.

Распуская белопенные усы, четыре торпедных катера на скорости приблизились ко входу в бухту. Крупнокалиберные пулеметы «ДШК» на корме щедро поливали берега раскаленным свинцом. Пройдя извилистый вход, катера ворвались на внутренний рейд балаклавской бухты, где у причалов горели «Зибели» и «шнелльботы». Сопrotивления морским пехотинцам-черноморцам почти не было. Взянула пару раз скорострельная немецкая зенитка, но ее быстро заткнули кинжальным огнем крупнокалиберные пулеметы «ДШК» с торпедных катеров.

А с суши, со стороны Севастополя наступали основные силы – бригада морской пехоты и два стрелковых батальона, усиленные ротой легких танков «Т-26» и бронеавтомобилями «БА-10».

Легкие-то они легкие, но все же какая-никакая, а броня. Да и 45-миллиметровые пушки вместе с пулеметами весьма неплохо «вычищали» окопы от гитлеровской нечисти. К тому же деморализованные обстрелом 305-миллиметровых дальнoбойных снарядов немецкие и румынские подразделения особо не упорствовали.

Разрушения от огня 35-й береговой батареи были колоссальные. Наступающие советские части постоянно натывались на развороченные бетонные огневые точки, груды все еще горячей бронетехники и грузовиков Вермахта. На валяющихся на улицах трупах тлела или даже горела униформа. В воздухе стоял тошнотворный сладковатый запах горящего мяса... Отборного арийского мяса...

То тут, то там вспыхивали короткие и яростные перестрелки – некоторые гитлеровцы сопротивлялись отчаянно. Вот пулеметный расчет заблокировал перекресток на подходе к причалам. Несколько севастопольцев упали, скошенные очередью. Но немецкий пулемет обошли по флангу и привычно закидали гранатами.

– Полундр-р-ра! – Крик советской морской пехоты вселял ужас в сердца врагов.

Вот группа немецких солдат засела в развалинах дома и встретила наших плотным огнем. Морские пехотинцы и солдаты стрелковой роты рассыпались по импровизированным укрытиям. Это тоже наука войны: хочешь выжить и победить – ищи укрытие. Советские воины

умело сковали гитлеровцев огнем. Позади послышался гул двигателей и скрежет стальных траков гусениц по камням.

Пришлепали два легких танка «Т-26». К лету 1942 года этих машинок всё еще много оставалось в советских бронетанковых частях. Конечно, такие «танчики» были уязвимы в противостоянии с немецкими «Панцерами-III» и более современными машинами. Но против пехоты, да к тому же – не имеющей никаких противотанковых средств, кроме гранат, эти уже морально устаревшие машины были вполне эффективны. Винтовочные выстрелы немцев щелкали по броне небольших советских танков, пулеметная очередь рассыпала искры рикошетов, протяжно взвизгнули пули – да и только. А вот ответный огонь башенных пушек-«сорокапятков» и огонь спаренных пулеметов быстро сломили сопротивление противника.

Немногочисленные румыны сдавались без боя. Но иногда немцы успевали расстрелять своих ненадежных союзников.

К полудню Балаклава была полностью освобождена от немецких и румынских захватчиков. Несколько тысяч пленных, большие запасы снарядов, стрелкового оружия, патронов, несколько вполне исправных «зибелей» у причалов, которые чудом обошел огонь. Все это стало трофеями красноармейцев и краснофлотцев. Защитники Севастополя получили еще одну удобную и защищенную самой природой бухту для приема грузовых судов и ведения морских операций.

Правда, гитлеровцы попытались контратаковать от перевала Байдарские ворота. Но два батальона немецкой пехоты и кавалерийская бригада румын напоролась на уничтожающий огонь «двенадцатидюймовок» береговой бронешашенной батареи № 35. На этом контратака захлебнулась кровью атакующих.

Глава 5 «Viertel-Tirpitz»

В конце сентября на Черном море погода стоит все еще теплая, почти летняя. Но ранним утром уже клубится над водой густой молочно-белый туман – предвестник грядущей непогоды и холодов. Неясный серый силуэт в туманной пелене появился, словно призрак. Очертания чего-то громадного становились все отчетливее, сквозь космы тумана проступили детали, послышался гул механизмов. Из туманной дымки выплывал, словно бы проявлялся на фотографии, острый форштевень, заклепки корпуса, удерживающие массивную броню. Угловатая броневая башня с двумя огромными орудийными стволами подавляла своей массивностью. Позади нее располагалась надстройка с двумя дымовыми трубами. На мачте вращалась ажурная антенна радиолокатора «Kleine Freya».

На корме ступенькой одна над другой располагались две двуствольные башни со 105-миллиметровыми зенитками. Сначала планировалось установить только две 88-миллиметровые зенитки, но вмешался лично Адольф Гитлер и настоял на увеличении мощности и калибра зенитной артиллерии. К тому же двуствольные 105-миллиметровые установки были типовыми для немецких крейсеров и линкоров.

По обоим бортам за бронешитами стояли еще четыре скорострельных зенитных автомата. Они обеспечивали защиту не только от низколетящих самолетов противника, но и от быстроходных торпедных катеров.

Мощь главного калибра – пары 380-миллиметровых орудий – была ужасающей. Такие башни стояли на линкорах Третьего Рейха – «Тирпитце» и потопленном в мае 1940 года «Бисмарке». На морских исполинах Кригсмарине располагалось по четыре башни главного калибра, а на тяжелых канонерских лодках – по одной. Поэтому канонерки, построенные по предложению генерал-полковника Эриха фон Манштейна, получили у немецких моряков прозвище «Viertel-Tirpitz» – «Четверть-Тирпитца».

Две тяжелые канонерские лодки – «Адмирал Лютьенс» и «Капитан цур-зее Линдеман» в сопровождении стаи «шнельботов» вышли из Бугского в Днепровский лиман, оставив за кормой Николаев, где были построены. Повернув направо, они взяли курс на Одессу.

Оперативная эскадра «Schwarzes Meer» под командованием контр-адмирала Клаусена. В порту Одессы две канонерские лодки уже ждала пара «ветеранов» Ютландского сражения – броненосцы «Шлезвиг-Гольштейн» и «Шлезииен». Они проделали сложный и, в прямом смысле слова, извилистый путь вниз по Дунаю.

На головной тяжелой канонерке «Адмирал Лютьенс» в поход вышел и генерал-полковник фон Манштейн. Он решил лично участвовать в обстреле Севастополя с моря.

* * *

У причальной стенки Одесского порта огромные краны грузили боезапас. Каждый 380-миллиметровый снаряд главного калибра канонерских лодок весил восемьсот килограммов. Плюс – увесистые картузы с порохом. «Адмирал Лютьенс» и «Капитан цур-зее Линдеман» могли загрузить в погреба по полторы сотни таких снарядов. А еще – боекомплект к 105-миллиметровым зениткам и скорострельным четырехствольным пушкам, тысячи патронов к пулеметам, установленным на верхнем ярусе надстройки.

Меры безопасности в Одесском порту были приняты беспрецедентные. Рвались с поводков, роняя слюну с оскаленных клыков, немецкие овчарки полевых жандармов. Эсэсовцы

образовывали еще один круг охраны. Мотоциклы с пулеметами и легкие броневики со скорострельными пушками патрулировали окрестные улицы.

На внешнем рейде дымили трубами два «престарелых», но все еще опасных броненосца. «Шлезвиг-Гольштейн» и «Шлезииен» были вооружены четырьмя 280-миллиметровыми орудиями главного калибра в двух башнях. Вспомогательная артиллерия с них была убрана совсем и заменена 88-миллиметровыми зенитками, а также скорострельными зенитными автоматами. Несмотря на устаревшую конструкцию, оба броненосца представляли собой довольно мощные для Черного моря боевые корабли. Их орудия главного калибра могли посылать 240-килограммовые снаряды почти на девятнадцать километров. Но зенитное вооружение «старичков» было куда более мощным – оно включало пару 88-миллиметровых зениток, шесть 105-миллиметровых орудий и несколько десятков скорострельных малокалиберных пушек. Фактически оба последних корабля типа «Дойчланд» стали своеобразными крейсерами противовоздушной обороны.

К походу готовились и четыре самоходные баржи «Зибель» – в варианте канонерских лодок, вооруженные парой 105-миллиметровых орудий и скорострельными зенитными пушками и пулеметами. Так из десантной баржи получалось создать «Kampffähre» – «боевую самоходную баржу». В предстоящем походе именно самоходные баржи должны были прикрывать «ядро» корабельного соединения Кригсмарине. В качестве разведчиков дополнительно прилагалось еще четыре торпедных «шнелльбота».

* * *

В сопровождении броневики с приплюснутой пулеметной башенкой к причалу подкатил длинный «Мерседес» с открытым верхом. Адъютант вскочил с переднего сиденья рядом с шофером и предупредительно распахнул заднюю дверцу.

Генерал-полковник фон Манштейн выбрался из машины и в сопровождении адъютанта подошел к трапу на канонерскую лодку.

– Гутен таг! – он поздоровался за руку с контр-адмиралом Клаусеном.

– Решили лично выйти в море, герр генерал? – осведомился моряк.

– Так точно, хочу лично на деле помотреть, насколько хорошо воплощена *моя* идея... –

Манштейн всячески старался подчеркнуть, что именно он и является вдохновителем обстрела Севастополя с моря. Что это именно он поддержал гросс-адмирала Эриха Редера в его борьбе за влияние над фюрером против гросс-адмирала Карла Деница, сторонника подводных лодок.

– Мало кто из сухопутных генералов отважится участвовать в морском походе, герр Манштейн. Тем более – вы, и после того рокового инцидента в начале лета... – заметил контр-адмирал Клаусен.

– Герр контр-адмирал, не будем об этом!.. – оборвал его Манштейн, невольно поморщившись, как от зубной боли.

Дело в том, что накануне третьего штурма Севастополя – операции «Störfang» – «Лов осетра» – генерал-полковник Эрих фон Манштейн вышел в море на итальянском торпедном катере «MAS-571». Ему нужно было проинспектировать тыловую коммуникацию 30-го армейского корпуса генерала Фреттер-Пико. Дорога идет прямо вдоль берега моря в районе Балаклавы.

Когда уже итальянский торпедный катер взял курс обратно – на Ялту, со стороны солнца на корабль зашли в атаку истребители и открыли шквальный огонь из пушек и пулеметов на бреющем полете. Манштейн вспоминал впоследствии:

«...Вдруг вокруг нас засвистели, затрещали, защелкали пули и снаряды: на наш катер обрушились два истребителя. Так как они налетели на

нас со стороны слепящего солнца, мы не заметили их, а шум мощных моторов торпедного катера заглушил гул их моторов. За несколько секунд из шестнадцати человек, находившихся на борту, семеро были убиты и ранены. Катер загорелся; это было крайне опасно, так как могли взорваться торпеды, расположенные по бортам. Командир катера, молодой лейтенант итальянского флота, держался прекрасно. Не теряя присутствия духа, он принимал меры к спасению катера и людей. Мой адъютант «Пепо» прыгнул в воду, доплыл, несмотря на мины, до берега, задержал там – совершенно голый – грузовик, домчался на нем до Ялты, вызвал оттуда хорватскую моторную лодку, которая и отбуксировала нас в порт. Это была печальная поездка. Был убит итальянский унтер-офицер, ранены три матроса. Погиб также и начальник ялтинского порта, сопровождавший нас, капитан 1 ранга фон Бредов. Будучи прикован к берегу как начальник порта, он был так счастлив, что, наконец, он – старый моряк вновь ступил на палубу военного корабля, хотя и такого маленького. И вот он пал смертью, достойной моряка!

У моих ног лежал мой самый верный боевой товарищ, мой водитель Фриц Нагель, тяжело раненный в бедро. Итальянский лейтенант сорвал с себя рубашку, чтобы наложить жгут, но кровотечение из артерии остановить не удавалось...»

Впоследствии на похоронах Фрица Нагеля сам Манштейн зачитал некролог, который заканчивался такими словами:

«Рядом со мной ты был ранен в прошлом году, рядом со мной настигла тебя роковая пуля и сейчас. За дни и годы нашей совместной жизни и общих больших переживаний мы стали друзьями. Узы дружбы, связывающие нас, не могут быть разорваны и этой коварной пулей, настигшей тебя...»

Продолжение этой истории не менее интересно. Эрих фон Манштейн утверждал, что это были советские истребители, вероятно, – «свободные охотники», которые и атаковали итальянский торпедный катер. Он называет это «коварной пулей».

Со слов фон Манштейна и другие западные историки Второй мировой войны сделали выводы, что это был налет именно советских истребителей на итальянский торпедный катер.

Вот известный автор Пауль Карель в своей работе «Гитлер идет на Восток», что называется, «в цветах и красках» описывает эту атаку:

«Вражеский самолет! – закричал ординарец Манштейна, обер-лейтенант Шпехт. Итальянские моряки, бросившиеся к своим зенитным пулемётам, опоздали. Зайдя от солнца, советские истребители из Севастополя ударили по катеру из своих пушек...»

Германский историк Юрг Майстер в своем труде «Восточный фронт – война на море 1941–1945 гг.» более лаконично, по-немецки подводит итог: «... Два русских истребителя атаковали в районе Ялты катер-охотник, с борта которого проводили рекогносцировку генерал-полковник фон Манштейн и другие офицеры...»

Более того, даже в СССР нашлись воспоминания летчиков, якобы атаковавших итальянский торпедный катер с фон Манштейном на борту. Командир эскадрильи 6-го гвардейского истребительного авиаполка Герой Советского Союза Михаил Авдеев внезапно «вспомнил», что это именно он в паре со старшим лейтенантом Данилко атаковал итальянский торпедный катер в районе Ялты летом 1942 года. И описал этот случай в своих мемуарах, выделив даже в отдельную главу «Наш «личный друг» Эрих фон Манштейн».

Но вот историк Мирослав Морозов в своей работе «Воздушная битва за Севастополь 1941–1942 гг.» утверждает, что в документах 3-й отдельной авиагруппы нет никаких упоминаний о какой-либо атаке вражеских плавсредств у Ялты в июне 1942 года.

А с другой стороны, в официальной истории боевых действий ВМС Италии во Второй мировой войне, написанной по итальянским документам «La Marina Italiana Della seconda guerra mondiale. Volume XI. Attivita in Mar Negro e Lago Ladoga. Roma, 1972», однозначно указано, что торпедный катер «MAS-571» был атакован немецкими истребителями! Такое бывает – по ошибке.

А сам Эрих фон Манштейн вполне был осведомлен, какие именно истребители его атаковали. Но все же не стал прямо на это указывать, чтобы, как говорят русские, «не выносить сор из избы» и не портить стройную картину размышлений об утерянных победах...

Но с тех пор Манштейн опасался совершать выходы в море. Однако, как говорят французы, *poblesse oblige* – положение обязывает. Если уж он сам предложил проект «die schweres Kanonenboot» – тяжелых канонерских лодок, то теперь должен довести замысел до логического завершения – обстрела Севастополя с моря. Тут уж, хочешь не хочешь, а надо рисковать. Причем ради вождя фельдмаршальского жезла честолюбивый потомок прусского офицера был готов пойти на все.

* * *

Две тяжелые канонерские лодки в сопровождении броненосцев под флагами со свастикой отвалили от причальной стенки и тяжело пошли к выходу из Одесского порта. Но, несмотря на усиленные меры безопасности фельдмаршалмерии и СС, внимательные глаза наблюдали за передислокацией войск, погрузкой боезапаса и подготовкой диковинных кораблей с тяжелыми пушками к рейду...

Вскоре глубоко в одесских катакомбах при свете керосиновых фонарей состоялся военный совет. Командир партизанского отряда написал разведдонесение и отдал радисту.

– Зашифруешь и передашь. Бумагу – сжечь!

– Есть...

Прерывистыми точками-тире морзянки полетело сообщение в разведотдел штаба Севастопольского фронта.

Меньше чем через час там уже знали о выходе корабельного соединения Кригсмарине в открытое море. Немедленно были подняты самолеты-разведчики «А-20» «Бостон» и «РВУ» «Каталина» ВВС Черноморского флота. Они выполнили с большой высоты аэрофотосъемку – на проявленных фото-планшетах явно были видны четыре корабля противника в окружении судов поменьше. Определен и курс корабельного соединения противника – на Севастополь.

Вице-адмирал Октябрьский, по своему обыкновению, осторожничал. Он не спешил рваться в бой основными силами флота, которые базировались в портах Новороссийска, Туапсе и Поти. Командующий Севастопольским фронтом зам. народного комиссара флота, вице-адмирал Гордей Левченко одобрил осторожную позицию Октябрьского. Не стоило раньше времени вводить в бой основные силы – линкор «Парижская коммуна» и отряд крейсеров.

Вместо этого комендант береговой обороны Главной базы Черноморского флота генерал-майор береговой службы Петр Моргунов получил приказ вице-адмирала Октябрьского привести береговые батареи в полную боеготовность для отражения неприятельского удара с моря. Мощные бронебашенные батареи № 35 и № 30 наконец-то развернули стволы орудий к морю. Теперь они готовились к тому, для чего и были созданы.

* * *

Генерал-полковник фон Манштейн чувствовал себя хреново. Его тошнило, хотя волнение на море не превышало двух-трех баллов. Он висел на леерах и отчаянно «травил».

Контр-адмирал Клаусен сочувственно поглядел на своего сухопутного коллегу – такое бывает со многими, даже некоторые моряки не могут привыкнуть к качке...

Оперативная эскадра «Schwarzes Meer», возглавляемая канонеркой «Адмирал Лютенс», сначала взяла курс на зюйд-вест, вдоль побережья оккупированной румынскими войсками Молдавии, в направлении на порт Сулина. Она шла осторожно, прикрываясь береговыми батареями и дальними истребителями «Мессершмитт-110» Люфтваффе. На траверзе острова Змеиный, принадлежавшего Румынии⁵, немецкая эскадра повернула в сторону Крымского полуострова и взяла курс на Севастополь.

Контр-адмирал Клаусен вел свою эскадру с таким расчетом, чтобы подойти к Севастополю на закате. Тогда заходящее солнце окажется за спинами немецких моряков и будет слепить русских. К тому же в вечерних сумерках легче оторваться от вероятной погони.

На борту «Адмирала Лютенса» состоялось краткое совещание. И Клаусен, и Манштейн понимали, что действовать нужно осторожно. Тем более что Манштейн был очень хорошо осведомлен об огневых возможностях двух русских фортов: «Максим Горький-I» и «Максим Горький-II». Только благодаря этим бронешарам и захлебнулось в огне и крови немецких солдат третье наступление на Севастополь в июле 1942 года!..

Повторить ту же ошибку, но теперь уже в морском сражении фон Манштейн не имел права. Иначе все пойдет прахом, и вместо вождельного фельдмаршальского жезла он получит отставку. И не факт, что без понижения в звании или должности...

Было решено на большой скорости приблизиться к мысу Херсонес и выпустить на ходу, без корректировки по площадям несколько десятков 380-миллиметровых снарядов. Теперь обе тяжелые канонерские лодки развили полный ход в двадцать узлов – это примерно сорок километров в час. Для обвешанных броней кораблей водоизмещением под полторы тысячи тонн – скорость немалая.

Броненосцы «Шлезвиг-Гольштейн» и «Шлезииен» во времена своей «молодости» выдавали свыше девятнадцати узлов, но сейчас порядком устаревшие, хоть и «откапиталенные» паровые машины могли выдавать только шестнадцатиузловой ход. Еще меньше, порядка десяти с половиной узлов была максимальная скорость у четырех артиллерийских барж типа «Зибель».

Поэтому обе тяжелые канонерские лодки оставили позади основные силы конвоя, их сопровождали теперь только торпедные «шнельботы». Подобная тактика была довольно рискованной, но зато позволяла атаковать неприступный и ненавистный фон Манштейну город, сохраняя скорость для маневрирования.

* * *

– Achtung! Feuer! – Массивная носовая башня «Адмирала Лютенса» развернулась. Два 380-миллиметровых ствола нацелились на лежащий во тьме светомаскировки Севастополь.

Тяжелая канонерская лодка «Адмирал Лютенс» подошла на сорок километров к мысу Херсонес. Грянул сдвоенный залп носовой орудийной башни. Восьмисоткилограммовые круп-

⁵ Остров Змеиный в акватории Черного моря вошел в состав СССР по результатам победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов.

повские снаряды с протяжным воем прорезали ночной воздух. Через несколько секунд на берегу ощутимо грохнуло, тяжкие звуки взрывов донеслись отдаленным эхом.

Вслед головному кораблю открыл огонь из носовой орудийной башни и «Капитан цур-зее Линдеман». Теоретически скорострельность главного калибра тяжелых канонерских лодок составляла два-три выстрела в минуту. Практически же сейчас оба корабля «выдавали» примерно полтора выстрела в минуту. Но зато подобная «тевтонская неторопливость» с лихвой компенсировалась весом залпа пятнадцатидюймовых орудий.

Тут же с берега сверкнули ответные вспышки орудийных залпов. На русской бронешенной батарее тоже не дремали. Белопенные фосфоресцирующие фонтаны взвились как раз между «Адмиралом Лютьенсом» и «Капитаном цур-зее Линдеманом».

Следующие многотонные столбы вывороченной взрывами воды взметнулись гораздо ближе к борту «Адмирала Лютьенса». Капитан корабля заложил циркуляцию на правый борт, чтобы уйти из-под обстрела. Этот же маневр выполнил и «Капитан цур-зее Линдеман».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.